

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/3154>

Молоко

Направленность: Слэш

Автор: [WILLow_W \(https://ficbook.net/authors/1123\)](https://ficbook.net/authors/1123)

Беты (редакторы): Sao-san (<https://ficbook.net/authors/162975>)

Фэндом: Ориджиалы

Пейринг или персонажи: Никита/Саша

Рейтинг: NC-17

Жанры: Ангст, Повседневность, POV

Предупреждения: **BDSM**, **Изнасилование**, **Инцест**, **Нецензурная лексика**, **Underage**

Размер: Миди, 47 страниц

Кол-во частей: 4

Статус: закончен

Описание:

Александр Стах переезжает жить к своему брату, о котором до недавнего времени даже не подозревал. Никита Андреев — занятой молодой человек, которого не радует появление обузы в лице младшего брата. Но, так или иначе, начинаются их не самые простые отношения.

Посвящение:

Моему терпению и терпению Sao-san.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Рецензия от kittymara на сие «творение»:

<http://nezoomi.diary.ru/p204154474.htm>

Другие рассказы с предупреждением «инцест»:

Слэш:

Неправильная семья

<https://ficbook.net/readfic/213152>

Из цикла «Сказки слэшера» рассказ «Зол уш`Ка»

https://ficbook.net/readfic/7516/4889451#part_content

Гет:

Сестрички

<https://ficbook.net/readfic/772603>

ТОС

ТОС	2
Глава 1. Встреча — расставание с душой	3
Глава 2. Врозь — тепло тела, холод души	15
Глава 3. Воссоединение — притяжение душ	29
Глава 4. Вместе — раскрывая души	42

Глава 1. Встреча — расставание с душой

А, молочные братья, само собой,
— Кинтаро покивал с глубокомысленным видом.
— Сосали вместе... молоко, ага.
Хватит ржать, я же не сказал «мужское»!
Тиамат «Эклипсис»

Меня зовут Саша, Александр Анатольевич Стах. Правда, Александром меня никто, кроме брата, не зовет. Мне пятнадцать, учусь в девятом классе.

Мое повествование начинается с появления в моей жизни брата. Это было поворотным событием моей жизни. До него у меня была только мама. Отца, Анатолия Степановича, я никогда не воспринимал как родственника. Он был человеком, которого я практически не видел, потому что во время его появления у нас дома меня отсылали в мою комнату или гулять на улицу. Он на меня даже не смотрел, а мама говорила не лезть к нему. Вот так и получилось, что с родным отцом за всю жизнь я не имел ни одного разговора, ограничиваясь приветствием и прощанием. Когда же мне исполнилось семь, он исчез — уехал работать в Финляндию и не вернулся. Можно сказать, что на этом гражданский брак моих родителей распался.

О том, что у меня есть брат, которого зовут Андреев Никита Андреевич, я узнал полгода назад. Когда от туберкулеза умерла мама. Таким образом, родственников в стране на тот момент у меня не оказалось, потому решено было отправить меня в приют для сирот. Я говорил им, что не хочу туда, но меня не слушали. Меня никогда не слушают.

Это был ад! Озлобленные, жестокие дети. Они все были одинаковы. И я им не нравился. Наверное, это был для меня шок. Я до сих пор не всё помню. Сработал инстинкт самосохранения, сознание отвергло травмоопасные воспоминания. Конечно, ничего такого уж страшного со мной не произошло, я же несовершеннолетний и закон должен меня охранять. Но та неделя навсегда останется моим кошмаром! Чем часто пользуется эта скотина! Мой брат!

Он появился под стягом спасителя, в непрошибаемой броне самодовольства и самоуверенности, с паршиво воняющим клинком его справедливости и власти. Имея наглость осведомиться, каково мне здесь приходится! Этот ублюдок не собирался меня оттуда вытаскивать! Чем теперь меня каждый день попрекает! Я просто не выдержал тогда. Мне было всё равно, что я его никогда не знал, что он был совсем неприветлив и что смотрел на меня с плохо скрываемым пренебрежением и злостью. Я хотел, чтобы меня забрали. Неважно, кто и куда. Мне казалось, любое место будет лучше, чем приют.

Тогда-то я и узнал, что у моей мамы Марии Александровны уже была семья. До моего появления в ее жизни был другой сын — Никита и другой муж — Андрей Сергеевич Андреев. Она рано родила, в шестнадцать. И со слов Никиты материнский инстинкт у нее отсутствовал напрочь. Впрочем, его злые слова по отношению к маме не сильно меня заделали, потому что со мной она вела себя так же, а именно: снабжала всем необходимым

и предоставляла самому себе, не обращая на меня внимания. Я чаще был с ровесниками и их родителями, чем со своей семьей. А у Никиты был любящий отец, который мог о нем позаботиться.

Моя мама и папа Никиты жили бедно, ранний брак ополчил против них практически всех родственников. Помогала им только бабушка Андрея Сергеевича, но маму она не любила. Все это тянулось на протяжении десяти лет, пока в один прекрасный день мама не сбежала с моим отцом Анатолием Степановичем. Мыльная опера? Для меня так оно и было. Все это произошло до меня и, следовательно, никаких эмоций во мне не вызывало. Зато мой вновь приобретенный брат все это видел и прочувствовал на своей, тогда еще детской, психике. Понятное дело, что внезапно объявившийся блудный брат (в моем лице) — сын беглянки, его, мягко говоря, не обрадовал.

После пережитого в приюте квартира Никиты была для меня раем. И даже этот злыдень не мог испортить жизнь вне стен приюта. Но постепенно... Жизнь с ним становилась всё невыносимей и невыносимей. А теперь я даже видеть его не могу!

Хотя, надо сказать, дома он бывает нечасто. Зато когда бывает, мы ссоримся в пух и прах! Наверное, он меня просто ненавидит. А когда я вижу его осуждающий взгляд, полный презрения, будто обвиняющий меня в самом факте моего существования... Я срываюсь.

Ну, в чём я виноват? Почему я не могу молча сносить его присутствие? Я даже понимаю, что во многом не прав. Что если бы придержал язык за зубами, мы бы не так часто ссорились. И я бы даже смолчал... С любым другим. Но не с ним.

* * *

Очередная командировка брата заняла на этот раз неделю. Вы думаете, я скучал? Ничуть! И даже если такие мысли мелькали в моем сознании, стоило только вспомнить его вечно недовольную физиономию, как я их тут же отгонял. И вот он вернулся.

Я ждал. Но всё равно вздрогнул, когда ключ врезался в замочную скважину. Меня била нервная дрожь, успокоиться никак не получалось.

— Здравствуй, Александр, — взгляд серых глаз даже не задержался на мне, скользая по комнате в поисках кресла, в которое Никита незамедлительно упал, ослабляя галстук и расстёгивая верхние пуговицы рубашки.

Ненавижу, когда меня так называют! Но спорить бесполезно. Пробовал. И это всегда приводило к ссорам, потому что он упертый баран!

— Здрóво!

Лёгкая усмешка на четко очерченных губах, но глаза он так и не поднял.

— Судя по тому, как ты трясе́шься, в дневнике порядочно замечаний.

Интересно, это вопрос, утверждение или издёвка? Чего он ждёт? Что я опять буду оправдываться, спорить, или что сразу полезу на рожон? Нет! Молчать. Надо молчать. Спор он все равно повернет в свою пользу.

— Я устал. Неси дневник.

Дневник был уже приготовлен к экзекуции вместе с ручкой. А то, что он устал, мне по барабану. Думает, я из-за этого молчать буду? Держи карман шире!

Всё же я промолчал, наученный горьким опытом, и просто отдал ему дневник. Никита быстро просмотрел его, а потом расписался везде и, что самое странное, тоже молча, вернул!

— А... ты разве ничего не скажешь? — я был очень удивлён. Потому и не сдержался, хоть и обещал себе слова ему не говорить.

Он соизволил поднять на меня глаза... И я сразу почувствовал, что не могу пошевелиться. Будто меня придавило к полу роялем.

— Разве мои слова что-то изменяют?

— Нет, конечно. Просто, странно, что ты это только сейчас понял, — я что, опять что-то ляпнул? Чёрт! Надо молчать!

— Полагаю, в ближайшие лет двадцать ты так и останешься грубым, невоспитанным мальчишкой.

Грубым, невоспитанным? Да он шутит! На него никакой воспитанности не хватит! Мальчишкой!! Но прежде чем я успел что-то сказать...

— Всё. На этом дискуссия окончена. Марш спать.

Против его строгого тона и прямого взгляда я ничего не мог. Потому, нахмурившись, поплёлся в постель. Но был так зол, что заснуть никак не получалось. В таких случаях обычно помогало тёплое молоко.

Я встал и пошел на кухню. Включил свет, зажмуриваясь. М-да, время полтретьего и уже сегодня в школу, между прочим. Открыл холодильник, достал молоко и начал пить большими глотками. Ну и что, что оно не тёплое? Главное — моральный эффект.

— Молоко из холодильника, да ещё большими глотками — верный способ простудиться. Решил школу прогулять? Думаешь, это спасёт тебя? — от неожиданности я выронил упаковку. В результате чего очутился посреди молочной лужи.

Правда, я этого не заметил, столкнувшись глазами с грудью брата. Он что, спит без пижамы? Никогда не задумывался, в чём он может спать, прочно ассоциируя его с деловым костюмом. Я его даже в джинсах, если подумать, ни разу не видел. Но эти мысли были где-то на периферии сознания. Глаза заступорило на голом торсе, в голове

все плыло, а ноги почему-то подкашивались... Молоко.

* * *

Очнулся я уже в своей постели, и... нагишом, укрытый только одеялом. Сел, меня противно замутило. Открылась дверь, зашёл Никита в пижаме.

— А вот об обмороках меня никто не предупредил, — кажется, он был сильно раздражён.

— Я что, в обморок упал? — не понял я, ведь раньше за мной такого не водилось.

— Ну, а как ты, по-твоему, в постели оказался? — дурацкая привычка отвечать вопросом на вопрос: — Как ты себя чувствуешь?

— М-м-м... неплохо. Думаю, теперь я засну.

Меня такая слабость взяла, глаза сами собой закрывались.

— Так вся эта история из-за бессонницы, — похоже, он уже обдумывал, как меня прибить понадежнее: — Ладно, надевай пижаму и ложись.

Я понял, что до пижамы просто не доживу. Кажется, Никита это тоже понял. Он достал из шкафа пижаму и трусы. Подошёл к кровати, наклонился... Запах был очень приятный, хотелось уткнуться носом и вдыхать его в полную силу лёгких... Одеяло отлетело в сторону, рука брата схватила мою ногу. Меня дёрнуло, как от электрошока, в голове сразу прояснилось.

— К-к-какого... — задыхаясь, я уставился на него огромными глазами. Никита нахмурился.

— Тогда одевайся сам, — и он вышел из комнаты.

Спать опять расхотелось. Сердце билось, как сумасшедшее.

* * *

Зазвонил будильник. Зараза! Как же хочется спать. Пока собирался, думал, что лучше бы меня пристрелили. За столом уже восседал довольный жизнью Никита. Сволочь! Как он смеет быть таким свежим и бодрым?!

— Доброе утро!

Чтоб ты провалился! Я плюхнулся за стол. Как и всегда, когда брат был дома, завтрак больше напоминал пир в миниатюре. После еды стало немного лучше, но что-то определённо было не так. При попытке вывалиться из-за стола, до меня долетел голос:

— А как насчёт благодарности?

Собака! Какая благодарность с утра пораньше? В общем, я уже был готов сказать всё, что я думаю относительно «доброе утра» и «милого братца». Но не тут-то было... Открыв рот и задействовав голосовые связки, я наконец-то понял, что меня беспокоило всё утро (не считая того, что я не выспался, разумеется). У меня не было голоса, а горло от напряжения заболело так, что на глаза навернулись слёзы. С лица Никиты миглом слетело всё самодовольство, брови грозно сошлись на переносице.

— Та-а-ак... Молоко.

Через полчаса приехала скорая. Никита орал сначала на меня, потом на кого-то по телефону (этому кому-то досталось больше, чем мне). Но хуже всего пришлось врачам скорой помощи, потому что, по мнению его величества, они опоздали (можно подумать из-за севшего голоса умирают). Врач видно сталкивался с такими тиранами и попытался поставить разошедшегося монарха на место... Но он не рассчитал, с кем связался, и вскоре был вынужден согласиться с тем, что виновен во всех смертных грехах. После чего, наконец, Никита позволил ему меня осмотреть под своим неусыпным надзором (как будто меня съедят, если он отвернётся хоть на минуту).

Сначала горло. Было больно, но терпимо. Затем виновник всех грехов велел мне снять рубашку. Странно. Тут я завис, рубашку снимать не хотелось, как последнюю... И ещё стало нестерпимо жарко. В результате я опять валялся на кровати в своей комнате и имел честь лицезреть тёмный лик повелителя и обеспокоенное лицо врача. Он что-то говорил Никите, а тот МОЛЧА слушал!

— Я на пару минут выйду, а ты не вставай с постели, — уже после ухода врачей говорил Никита в своей обычной манере, не глядя на меня. Только на этот раз без самодовольства, что меня почему-то совсем не радовало.

Я всегда думал, что буду несказанно рад посмотреть на него слабого и беспомощного. Но даже потеря его выставленного на всеобщее обозрение самолюбия заставила меня не радоваться, а напрячься от беспокойства.

Тут, совсем некстати, вспомнилась голая грудь Никиты и его запах... Меня вновь замутило. Сжавшись в тугой комок, я пытался побороть слабость и головокружение... Тяжело дыша и забыв, что у меня нет голоса, я попытался позвать брата. Острая боль в горле спровоцировала слезы.

Но Никита всё же пришел. Он обхватил меня за плечи и крепко прижал к себе... Так плотно, так хорошо... Что-то успокаивающе нашептывая, перебирал спутанные пряди на моей макушке. Я не знал, что, когда он говорит так тихо, его голос хрипнет и становится таким напряженным, густым, проникая и заполняя собой весь мир... Не знал, что брат может быть таким горячим, что он тоже может дрожать, что его тело такое жёсткое, твёрдое и напористое. Стало легче, слабость отступила, вместо неё пришел жар... Я изо всех сил цеплялся за рубашку Никиты, прижимаясь к нему как можно теснее, будто он мог наполнить меня своей силой...

И он наполнил. В первый момент я просто ошарашенно распахнул мокрые от слёз глаза, когда его горячий язык оказался у меня во рту. Пока я пытался осознать, что же на

самом деле происходит, Никита уже подмял меня под себя, всем своим весом вдавливая в кровать. Инстинкт сработал безоговорочно. На применение по отношению к себе силы я резко воспротивился, изо всех сил сопротивляясь. Похоже, сопротивление привело его в чувства. Никита быстро отстранился, неровно дыша и пронзительно глядя в мои глаза. Отвернуться я, как всегда, не мог и нервно облизнул губы. Он жадно проследил за этим жестом, глухо застонал и отвернулся.

— Забудь, — звучало это то ли приказом, то ли просьбой. Последнее ему совершенно несвойственно.

Чёрт! О чём я только думаю?! Меня только что целовал мужик, я ж отплёвываться должен через левое плечо!!! О! Вот почему он так странно на меня смотрел! Я же после ЭТОГО ещё и облизывался! Чёрт, чёрт, чёрт!!! Хочу умереть прямо сейчас!

Я не умер, а уснул. Когда проснулся, увидел в своей комнате Никиту и вздрогнул. Моя реакция заставила его нахмуриться.

— На, поешь. Потом прими эту таблетку, — с этими словами он пододвинул стул, поставил на него поднос и вышел, сопровождаемый моим пристальным взглядом.

Хорошо, что я не могу говорить. Что я могу сказать в такой ситуации? Или что бы я ему мог наговорить? А что, если он извращенец? Нет. Что угодно, но извращенцем он быть не может. Почему я так в этом уверен? Он же меня... Боже, даже думать об этом не могу... сразу становится трудно дышать. Нет, он не извращенец, иначе мне бы было неприятно... Стоп! Что значит «было бы неприятно»? Мне что, БЫЛО приятно??? НЕТ!... Это же неправда. Нет, приятно мне не было. Но и неприятно мне не было тоже. Боже, Боже! Пожалуйста, пусть всё будет просто сном, бредом больной головы! Я не хочу вспоминать его голую грудь, его руки, вес его тела, его запах, его жар, его дрожь... Всё! Хватит! Я снова задышался, словно рыба, вытщенная из воды.

Есть совсем не хотелось, но сейчас Никите лучше не перечить, себе дороже выйдет. Надо успокоиться и выздоравливать.

* * *

Брат уже второй день не ходит на работу. Это нормально? Не помню, чтобы за те полгода, которые я у него живу, был хотя бы один день, проведённый им дома. А тут два дня безвылазно! И ещё... Он на меня пялится! Это меня раздражает. Ведь раньше вечно глаза отводил. Теперь мне просто деться некуда, повсюду натыкаюсь на его взгляд. Притом, он ТАК на меня смотрит, что хочется провалиться сквозь землю или хотя бы к соседям снизу. А его, похоже, ничего не смущает. Скотина! Говорить я не мог, но, по крайней мере, горло уже не саднило, когда я пытался что-то прохрипеть.

— Ты всегда добиваешься, чего хочешь, — я так и подпрыгнул от этих слов. Чёрт...

Я читал учебник. Привык заниматься в гостиной. Так что когда диктатор остался дома, я просто не мог изменить своим привычкам. И теперь он чего-то хочет добиться от меня этим выпадом?

— Захотел заболеть — заболел. В школу ходить не надо, все с тобой носятся. Удобно.

Я сузил глаза и злобно зыркнул в сторону обидчика. Я что, по его мнению, специально заболел? Вот тупость! И как до него это донести? Написать? И потом, кто это «все»? И кто их просил со мной «носиться»?

— Захотел жить со мной и живёшь, — продолжал свою мысль оратор.

Я не хотел с тобой жить! Но больше этого я не хотел в приют! Опять эти нападки?! Ты мне уже всю душу ими вымотал! Да понял я! Понял! Что я для тебя обуза. Думаешь, меня это не тяготит? Я устал. Устал быть лишним, никому не нужным! Устал до смерти.

Почему я не могу отвести взгляд от этих холодных глаз? Чувствую себя кроликом, которого сейчас неминуемо съест питон.

— Чего ты от меня хочешь? Ты же всё равно всё получишь! Зачем тогда тебе я?

Что он имеет в виду? Я удивлённо смотрел в его взволнованное лицо, не понимая, что могло произвести на его каменное величество такой эффект. И дёрнулся, когда холодные пальцы коснулись моего подбородка. Но ни сказать, ни отвести глаза... Да что там! Я пошевелиться под этим взглядом не мог. Всё, что мне оставалось, это наблюдать как медленно, убийственно медленно, приближается ко мне лицо брата. А потом его губы приоткрылись... И я как зачарованный повторил это его движение, тут же оказавшись в плену его губ. На затылок, взъерошив волосы, зажав их в кулак, легла его рука. На этот раз он не напирал... Осторожно касаясь языком, прикусывая зубами мои губы, исследуя мой рот, он не отпуская мой взгляд. Я инстинктивно положил руки на его грудь, наверное, чтобы оттолкнуть... Только не оттолкнул. Дышать становилось всё труднее... Это слишком близко. Когда я решил, что сейчас задохнусь, Никита оторвался от моих губ, отчего я протестующе что-то пропищал. Его собственные губы влажно блестели в легчайшей усмешке. Он дёрнул мою голову назад за волосы и жадно припал к моей шее, свободной рукой задирая футболку и опускаясь поцелуями на грудь и живот. А рука прошлась по животу, остановилась у пояса и решительно накрыла пах. Я изогнулся всем телом, то ли пытаюсь его остановить, то ли требуя большего.

— Тише..., — хриплый шепот в самое ухо, неровное, горячее дыхание. — Я ничего тебе не сделаю...

Ничего? Он это так называет?

А, чёрт! Что? Н-н-нет...

Не понимаю, то ли я сопротивлялся, то ли нет. Мне повезло, что из-за шока я почти ничего не соображал. Смотреть на него совсем не хотелось, но я все-таки опустил голову. Никита поправлял мою одежду. Будто так и надо.

Боже! У него на губах осталась эта гадость... Вспомнилось чёртово молоко, с которого и начались все мои неприятности. Меня передёрнуло. Он это заметил и поднял глаза.

Проследив направление моего взгляда, ухмыльнулся и облизнул губы.

Что это?! По позвоночнику побежали мурашки, и внутри снова стало тепло. Нет! Я резко выдохнул, теперь хорошо понимая, куда меня может завести это тепло. И быстро отвёл глаза в сторону. Если подумать, ЧТО ещё он мог со мной сделать... То да, он мне почти ничего не сделал. Ничего, что не могла бы сделать и девушка на его месте. Но это была НЕ девушка! Это был мужчина (фу, гадость-то какая!), и это был мой брат! Если вчера мне хотелось умереть, то сегодня я этого хочу ещё сильнее! Какого чёрта он творит?! Я ж несовершеннолетний! И как после этого прикажете доказывать, что он не извращенец?

— Не бери в голову. Большинство парней твоего возраста давно этим занимаются.

Этим? Нет, думаю, именно этим они не занимаются. Мне было очень не по себе, но почему-то встать и уйти в свою комнату я не мог.

— Это абсолютно ничего не значит. Ты ведь мог сам...

Абсолютно ничего?! Для него ЭТО «абсолютно ничего»?! Ярость напололам с обидой и чем-то ещё... тёплым и дрожащим, внезапно съёжившимся от холода. Я с размаху заехал ему в скулу... Правда, замах получился не сильный, он сидел слишком близко. Чувствуя, как что-то внутри меня разлетелось вдребезги, и неудержимо накатывают рыдания, я сжался в комок на стуле, содрогаясь от всхлипов. Пару минут я просто ревел. Он сидел там же. А потом Никита меня обнял и, вместо того чтобы вырваться, я влетел в его объятия, уютно расположившись там и самозабвенно рыдая. Глупо. Особенно после того, что он сделал. Это я понял под конец своей истерики, когда мысль «что делать дальше» нарисовалась в мозгу.

— Прости, — тихий шепот и равномерное убаюкивание. Хорошо. Но если он сейчас ещё что-то скажет... Я напрягся. Но он промолчал.

* * *

Даже когда ко мне вернулся голос, мы так и не поговорили. Я откровенно боялся этого разговора и всякий раз, когда Никита пытался поднять эту тему, уходил любыми путями. Кажется, дома он стал появляться ещё реже. И его самовлюблённое спокойствие куда-то испарилось. Теперь мы не спорили, а каждый раз увязали в напряженной тишине. Он сверлил меня непонятым взглядом, от которого было тяжело дышать. А я шарахался от него, пытаюсь избежать чего-то нависшего над самой моей головой.

Я вдруг понял, что оставаться одному дома очень неприятно и страшно. Понял, что тишина давит, поэтому приходя, сразу включал телевизор и компьютер. У меня болели все внутренности, хотелось свернуться калачиком и умереть. После месяца мучений, когда я уже был на грани и постоянно плакал в подушку, неожиданно нашелся способ спастись от себя, хотя бы ночью. Оказалось, стоит мне зайти в комнату Никиты, как щемящая боль притупляется и можно даже выспаться. Сначала я спал в кресле, потом перебрался на кровать.

— М-м-м? — я сонно сощурился. Светло? Чёрт, что с будильником?

— Я его отключил.

Никита? В горле пересохло. Я резко повернул голову. На другой половине кровати лежал брат в одних пижамных штанах.

— Что ты тут делаешь? — раздражённо спросил я, стараясь скрыть беспокойство. Получилось не очень.

— Это, скорее, я у тебя должен спросить, что ты забыл в моей комнате и в моей постели.

— Ну, она же тебе не нужна, когда тебя нет, — резонно заметил я.

— И давно ты не позволяешь скучать моей... комнате? — насмешливо спросил он.

Давно? Около двух недель. За это время он появлялся уже дважды. Мне ему это говорить? И какого чёрта я болтаю с ним в его кровати? Совсем спятил, что ли? Я сел, собираясь уйти.

— Ты мне не ответил, — тяжёлая рука опрокинула меня обратно.

— Ну и что ты хочешь от меня услышать? — я напрягся. Он продолжал удерживать меня на кровати.

— Для начала, почему ты спишь здесь. И когда это началось? Видимо, недавно... Потому что будь иначе, я бы заметил, — он приподнялся на локте, теперь нависая надо мной. Чёрт! Он же почти голый! Надо как можно быстрее с этим разобраться, пока не стало слишком поздно.

— Мне не по себе оставаться дома одному, вот я и приходил сюда хотя бы на ночь. Больше я так делать не буду. Обещаю, — смотреть на него я отказывался.

— Не то, чтобы я возражал... С каких пор? — его голая грудь коснулась моего плеча. Я вздрогнул и повернул к нему лицо. А вот это было ошибкой. Глубокие, затягивающие в свою бездну глаза... Слишком близко!

— Две недели назад! Отпусти! — паника накатывала быстро. Но он не отпускал.

— Почему? — его губы слишком близко.

— Мне надо. Мне было плохо, здесь лучше... Пожалуйста, отпусти! — мой голос уже дрожал. Он ухмыльнулся.

— Тебе надо... плохо... — его глаза расфокусировались, а голова медленно приблизилась к моей груди. Он тяжело дышал, проводя носом по моей пижаме. Я выставил руки перед собой, но наткнулся на голую грудь... И застонал. Горячо! Никита напрягся и хрипло произнес:

— Если я продолжу, то на этот раз возьму тебя... Иди, пока я ещё могу тебя отпустить.

Повторять не требовалось. Я влетел в свою комнату, часто дыша, дрожа с ног до головы, и сразу направился в ванную. Наплевав на пижаму, влез под душ как есть... Руки немедленно забрались под резинку и легли на возбуждённый член... М-м-м...

То, что я проспал, не было такой уж большой проблемой. Если бы поспешил, успел бы на физ-ру. И сбежать из дома мне очень хотелось. Наверное, именно поэтому в школу я не пошел.

Раздался стук в дверь и голос брата:

— Можно войти? — что-то новенькое, раньше он себя этим не утруждал.

Остаться было моей большой ошибкой — это я уже понял. Но гордость и упрямство, из-за которых я не пошел в школу, заставили меня совершить вторую ошибку — открыть Никите дверь.

— Нам, наконец, надо поговорить, — рука брата нервно пробежала по влажным волосам, а взгляд задержался на моей мокрой макушке, отчего его губы скривились в противной понимающей улыбке. Гад!

— И о чём ты «наконец» хочешь поговорить? — стараясь не выдать внутренней дрожи, переспросил я.

Показывать свою уязвимость не хотелось ужасно, но стоять под холодным, пронзающим насквозь взглядом было слишком неудобно. Мои руки непроизвольно обхватили плечи. Он отвёл глаза и сделал шаг обратно к двери, облокотился на неё спиной, то ли подчёркивая, что пока мы не поговорим, никто отсюда не выйдет, то ли увеличивая между нами расстояние и ища опору.

— Тебе нельзя со мной оставаться, это ты и сам должен был уже понять. Геем, — тут он улыбнулся, как-то самоуничижительно и презрительно, — не зря не дают детей воспитывать.

— Каким ещё геем? — не понял я.

Никита удивлённо посмотрел на меня, похоже, в свою очередь, не понимая, о чём говорю я.

— Геем, голубым, педикам... Мужчинам, которые занимаются сексом с другими мужчинами... Я гей, — его глаза как-то странно сверкали, то ли бешенством, то ли... чем-то всепоглощающим, дрожащим на пределе своих сил... страшным.

Я сглотнул и каким-то чудом отвёл взгляд от опасности в его зрачках. В голове почему-то было пусто, хотя сердце грозило шмякнуться с какой-то немыслимой высоты в какие-то невообразимые глубины отчаяния, пустоты и пугающей тьмы. Похоже, меня трясло уже не только внутри. Отчаянно цепляясь за плечи, я пытался подумать.

— Я знаю, что значит слово «гей», — смог выдавить я.

Только вот поверить в то, что он гей, было как-то не то что дико... Немыслимо. Это меня немного отрезвило. Всё же никогда не смогу понять своей непоколебимой уверенности в брате. Я удивлённо смотрел в пол. Почему? Отчего я ТАК уверен, что он не извращенец и не гей?

— Не мели ерунды! В каком месте ты гей? — сердито и насмешливо осведомился я.

Глаза Никиты превратились в узкие щёлочки, и он сделал шаг по направлению ко мне. Я упёрся в подоконник и нервно вздрогнул, поняв, что отступить некуда. Жесткая усмешка на его губах сказала, что этого он и добивался.

— Твои слова не соответствуют твоему поведению. Говоришь, что я не гей, а боишься именно этого.

— Я тебя не боюсь! И прекращай уже дурачиться!

— Дурачиться... — что-то сломалось в самом воздухе... с треском.

Никита оказался слишком близко, слишком быстро. Тяжело оперся руками о подоконник с двух сторон от меня. Я только и мог, что испуганно смотреть в жесткое лицо, напряженное до предела.

— Тебе действительно не стоит меня бояться. Я ничего не смогу тебе сделать, кроме одного... Если ты не уберёшься с глаз моих, я тебя трахну. Так, что ты неделю будешь валяться подо мной мордой вниз.

Меня колотила крупная дрожь. Я знал, что он способен мне сказать такое, хотя... Почему-то больше всего меня пугало то, что мне надо уйти. Я быстро сообразил, что разглядывание пола спасёт меня хоть в какой-то степени от осознания, как Никита близок к выполнению своей угрозы. Не знаю, каким чудом егохватило, чтобы развернуться и уйти, а меня, чтобы не вякнуть чего-то, отчего всё бы окончательно полетело в тартарары.

Соображать я начал только к вечеру. И перспективы обрисовались весьма безрадостные. Приют. Но что пугало больше всего... Я подумывал о постели брата с каким-то обречённым облегчением.

* * *

Брат не появлялся несколько дней. Я был на грани нервного истощения, в любой момент ожидая прихода Никиты с твёрдым решением отправить меня в приют.

И вот он пришел. Не один. С ним была довольно симпатичная пара средних лет. Никита сказал пройти всем в гостиную, где и представил меня чете Морозовых. У Инны Сергеевны и Виктора Ивановича уже было трое детей: старшие дочь и сын, и дочь моего

возраста. Они сказали, что были бы рады, если бы я поселился у них до выпуска из школы (такой срок был установлен Никитой), тем более что комнаты старших детей свободны. Оказалось, Виктор Иванович и Никита знали друг друга по работе и неплохо ладили, несмотря на разницу в возрасте.

Я же был настолько шокирован, что просто не мог поверить в происходящее, осознать, что вокруг меня творится. Так что меня просто упаковали и отправили на новое место пребывания.

Никиты не было видно всё время, что меня собирали. Он появился только чтобы сказать "счастливо", глядя куда-то вдаль. А я как вкопанный стоял напротив и непонимающе пялился на его щетину и тени усталости, залёгшие под глазами и в уголках рта. Пока меня не оттащили в машину.

Глава 2. Врозь — тепло тела, холод души

Школу мне пришлось поменять потому, что мы жили на другом конце города. Никита уехал работать в Америку, и связи с ним не было никакой, на что неодобрительно косились Морозовы.

Оказалось, что это очень дружная и добродушная семья. Было так хорошо собраться всем вместе на ужин. За столом все говорили, шутили, смеялись, делились новостями прошедшего дня. И вообще, уважительно и тепло относились друг к другу и окружающим. Я не имел подобного опыта общения в семейном кругу. Для моей издерганной психики эта атмосфера была лучшим лекарством.

С младшей дочерью, Ирой, мы учились в одном классе. Казалось, она в любой момент готова разразиться заразительным смехом, оптимистично смотря в будущее. Она шла по жизни не просто легко, скорее, танцующе. Наверное, мне стоило в неё влюбиться. Но я не смог. Мы как-то сразу стали друзьями, больше похожими на брата и сестру.

А с любовью у меня не заладилось. Все, кто мне нравился, отличались склонностью к садизму, что отпугивало меня от людей в целом.

Так получилось, что лучший мой друг оказался геем. И мне крайне повезло оказаться не в его вкусе и крайне не повезло оказаться во вкусе пары его друзей. Однако с этим я достаточно быстро разобрался.

Жизнь отличалась завидной лёгкостью и постоянством, получать от неё наслаждение оказалось не такой уж трудной задачей. Правда, я не сказал бы, что был общительным, скорее молчал в тряпочку и не высывался. Не был я и оптимистом, но и вены резать мне было не из-за чего. Я не смеялся, а только улыбался, потому что моему сердцу не было легко. Не скажу, что был ко всему безразличен, но и интереса особого к жизни и людям у меня не было. Я жил как во сне, без особых потрясений и радостей.

* * *

— Слэш, пошли в гей-бар! — Женька был в приподнято-возбуждённом состоянии. После его последнего разрыва с каким-то уродом это радовало.

— Джеки, я натурал. Кончай таскать меня туда, иначе я никогда не найду себе девушку.

— Не беспокойся, у тебя есть я! А девушек тебе искать не надо, они тут, только помани, — и он озорно улыбнулся, указывая глазами на пару наших одноклассниц, которые активно перешептывались, хихикая и поглядывая на нас.

— Дурак, — заключил я. — Они считают, что мы встречаемся.

— Да брось! Твоей репутации это не повредит, наоборот, девчонки такое любят!

— Вот поэтому я и говорю, что ты дурак, — вздохнул я.

— Дурак, — легко согласился Джеки. — Пошли со мной, а?

Оставлять его одного было глупостью, притом подлой. Однажды его уже избили за такие вот походы, и это было совсем не смешно.

— Ладно. Когда, во сколько, — вздохнул я обречённо, с ужасом представляя ещё один кошмарный вечер в обществе мужиков, облизывающих тебя взглядом.

* * *

Как и предполагалось, вечер выдался преотвратным. За одним исключением — лицо Женьки светилось радостью, и я не переживал, сидя дома, за его легкомысленную голову. Похоже, он уже успел нацапать достаточно телефончиков, чтобы было чем заняться на выходных. Значит, минут через сорок можно отсюда убираться. Пить я в таких местах не решался, с мутью у горла думая о последствиях столь необдуманного поведения.

И тут в бар завалилась компашка похоже новеньких, потому что вся голубая братия дружно повернула головы посмотреть на вновь прибывших. Это стоило того, чтобы обернуться: пять милых мальчиков с лицами ангелов, все как на подбор ухоженные, высокие, стильные. И где этих бройлеров выращивают? Мы ж теперь до закрытия не уйдём! Я внутренне застонал.

Как и предполагалось, бройлеров атаковала волна бывалых. Джеки паинькой сидел рядышком и ждал своей очереди, попивая какую-то гадость очень подозрительного цвета. Очередь подошла часа через три. К нам подрулило неземное создание, которому не хватало арфы и пушистых крыльев, обозвалось Реном и предложило присоединиться к ним. На что Жека счастливо заулыбался, а я, погрузнев, встал и поплёлся следом.

Оказалось, бройлерная неподалёку — модельное агентство как-его-там. Телефончики тоже у всех есть, работают и раздаются. На попытку впихнуть мне свой номер каким-то Люком, я не выдержал (бывалые меня уже знали, потому прекратили приставать сразу и дружно, воспринимая как эскорт Жеки).

— Голубок, я натурал.

— Да-а-а? — непонимающе удивился голубок. — А что ж вы тут делаете?

— Страшные глаза, — засмеялся другой по кличке...Ахилл (убиться об стену! Кликуха — жесть, но из этих небесных ласточек самый вменяемый) и добавил: — Так что, Люк, не провоцируй.

После этих слов приставать больше никто не пытался. Болтовня, как я и предполагал, затянулась до закрытия. После чего все, наконец, решили прекратить сие безобразие и отправиться по домам.

Любопытно, что Ахилл попёрся с нами, утверждая, что живёт неподалёку (его товарищи

отправились по домам на такси). Мы, мирно болтая, проводили Джеки, после чего небожитель отважился на разговор.

— Слэш, вы с Джеки встречаетесь?

— Нет.

Если он сейчас предложит пойти к нему, я его убью.

— У него кто-то есть?

О, это уже интересно, я с любопытством посмотрел на собеседника.

— Был недавно отморозок один, сейчас нет. А ты моего благословения решил испросить?

— Что-то вроде... Меня, кстати, Рома зовут.

— Саша, — я пожал протянутую руку, глядя в серьёзные глаза. Сейчас он не казался одним из бройлеров.

— Ты дашь своё благословение на мои отношения с Женей, если, разумеется, ему они будут нужны?

Я смотрел на ненормального огромными глазами.

— Йо! А ты не рано об отношениях заговорил?

Его улыбка почему-то показалась до боли знакомой. Со мной говорил не слащавый, пустоголовый выкормыш, а человек, уверенный в себе и знающий эту жизнь не понаслышке, а так, как могут её знать только те, кто хлебнул немало горя на своём пути.

— Нет. Как раз вовремя. И со всей серьёзностью должен заявить, что не отступлю.

— О! А это что, угроза?

— Обещание.

— И с чего это вдруг такие громкие слова? Прости, но встречи в баре не располагают к лирике, — я решил, что он просто перебрал.

— Он слишком невинно улыбается, такие цветы срывают любители гербариев... А иссушенный цветок не способен больше на улыбку. Я хочу сохранить его искренность.

Стало больно и жарко. А где я потерял свою искренность и свою улыбку?

— Я не собираюсь давать тебе благословения! Ваши отношения — это ваше личное дело. Но если ты будешь его ботаником, засушившим его в свой гербарий, я из тебя самого гербарий сделаю или что-то похуже, но уже без метафор и иносказаний!

Он меня взбесил. Не знаю, что было за его словами, но это что-то ранило меня в самое сердце.

Можно сказать, с этого разговора Жека и начал встречаться с Романом. Только, после того разговора, этот кадр стал меня бесить. Они были идеальной парой, ссоры, конечно, тоже случались, но это было скорее мило, чем серьёзно и ни одного повода со стороны нимбоносца.

* * *

Так мы и докатились до выпускного. В школу по этому поводу можно было приглашать всех, кого только в голову взбредёт. Таким образом, Роман был в числе приглашенных.

Хотя спиртное официально не приветствовалось, все изрядно набрались. Я тоже был в состоянии лёгкой эйфории.

— Слэш, пойдём покурим? — это был Роман, рядом со мной сидела Ира. И хотя мне не улыбалось проводить свой выпускной в обществе нимбастого, я встал и пошёл.

Надо сказать, Рома курил редко и обычно когда пил, но Жеке это очень не нравилось. Так что в том, что он курил без Джеки, не было ничего необычного. Я курил раз в полгода, наверное. И сегодняшний день был в категории, когда можно было позволить себе слабость.

— Я тебе не нравлюсь, — это было утверждение.

Я удивлённо посмотрел на недоразвитого крылуна. С чего он вдруг об этом заговорил?

— Ну, я бы не был так категоричен. Хотя впрочем, я тебя недолюбливаю.

— Потому, что я гей?

— Жека тоже гей, и что?

— Ты любишь его?

— Он мой друг, я не могу его не любить. Но это не та любовь, о которой говоришь ты, — ответил я и, подумав немного, добавил: — Пожалуй в том, что я недолюбливаю тебя, есть немного моей любви к Жеке. Потому, что ты забрал его внимание.

— Ревность?

— Наверное, немного... Почему мы об этом говорим? Ну не пылаю я к тебе любовью — это так уязвляет твою гордость?

— Гордость тут ни при чём. Когда мы встретились, я думал, мы подружмся. Никак не могу понять, почему этого не произошло.

И тут произошло то, чего я и в страшном сне не предвидел. Роман сделал нетвердый шаг мне навстречу, отобрал мою сигарету и, толкнув меня к стене, впился в мои губы поцелуем. После секундного ступора (в течение которого колено Романа оказалось между моих ног) я начал сопротивляться. Правда, что-то было не так, чем больше я сопротивлялся и чувствовал силу, плотно впаявшую меня в стену, тем больше это меня заводило. Дошло до того, что это заметил ныне павший ангел.

— Сдаётся мне, не такой уж ты натурал, — тяжело дыша, выдал Роман.

На этом всё окончательно понеслось к полному крушению. В дверном проеме обрисовались Никита и Джеки (скажите на милость, как тут оказался Никита?). Вновь прибывшие замерли, уставившись на наши живописные рожи с припухшими от поцелуев губами. Глаза Женьки стремительно наполнились влагой, после чего он рванул, не разбирая дороги.

— Джеки! — дикий вопль Ромы, и он уже несётся ему вслед.

После потери опоры я оседаю на землю в полном изнеможении. Чёр-р-рт!!! Что только что произошло? Теснота в штанах не даёт себя обмануть, что ничего не было.

— Ты совершенно не изменился.

Я вздрогнул от невозможного холода этих слов, чувствуя, что неудержимо проваливаюсь куда-то, поднял голову... Боже! Эти глаза, способные парализовать всякую свободную волю, жесткое лицо, плотно сжатые губы. И моё сердце, решившее убить меня своим грохотом. А потом пришла спасительная тьма.

* * *

Очнулся я в квартире брата, в своей постели. Некоторое время пытался прийти в себя. Но когда на пороге возник Никита, весь ад реальности хлынул на меня единым потоком. Роман, Джеки и Никита. Чер-р-рт!

— Спящая красавица очнулась, — издёвка и холодный взгляд. — Полагаю, твой друг не забудет выпускной никогда, ты постарался, поздравляю!

Боже, как же невыносимо это слышать! И что самое противное — он сто раз прав!

— Заткнись! Только твоих комментариев мне не хватало! — заорал я, не помня себя и чувствуя, что сейчас тьма вновь унесёт меня на своих крыльях далеко отсюда.

— Э, нет! Не смей опять убежать! — Никита прижал меня к кровати всем своим весом, перехватил мои руки над головой и спрятал свое лицо у меня на плече.

Я тяжело дышал. На сопротивление не было никаких сил, а в этих объятьях было так спокойно и уютно. И хотя я знал, что это не так, было ощущение, что пока он так меня держит, ничего плохого произойти не может.

— Надо же, какой послушный, — слова, как пощёчина, и пустота в глазах. — Хотя, учитывая твои пристрастия, удивляться нечему. Ты всегда сначала заманиваешь жертву, выжидая, когда же она решится на действия, запутываясь в твоих сетях, а затем рвёшь в клочья!

На раздумья над своими словами он мне времени не оставил, впиваясь в губы злым поцелуем, прикусывая кожу до крови и грубо сдирая одежду. От боли я закричал, слёзы произвольно покатались по лицу. Сил не было, и уйти во тьму было невозможно. Он замер.

— Как же я ненавижу... тебя! — хриплый голос, прерывистое дыхание.

А я никак не мог осознать смысла сказанного.

* * *

На следующий день приехали Морозовы. Никита сказал, что жить теперь я буду с ним. Надо сказать, это их не особенно обрадовало, а моё поведение просто напугало. Они знали о вчерашнем обмороке и, похоже, списали на плохое самочувствие. А мне опять казалось, что всё это сон, притом кошмарный. Наверное, сказывалось присутствие Никиты рядом.

Его слова о том, что он меня ненавидит, почему-то казались концом света. То, что я мог существовать после этого, было чем-то неправильным.

— ...андр, Александр, подойди, наконец, к телефону! — Никита, хмурясь, смотрел на меня.

Я словно лунатик подошел к телефону, в трубке раздавались равномерные гудки.

— Не этот телефон, твой мобильный!

Похоже, моя тупость окончательно его достала, и мобильный он дал мне сам.

— Слэш, ты должен поговорить с Джеки! — раздался истеричный голос Романа.

— О чём?

Я просто не понимал, что происходит, чего от меня хотят, зачем?

— Ты что, совсем? После того, что он видел, как ты думаешь, что он подумал?

— Что?

Мне было всё безразлично и непонятно.

— Что мы с тобой любовники, придурок! — он так орал, что я поморщился и отодвинул

трубку от уха.

Мою руку поймал Никита и забрал у меня телефон.

— Полагаю, это Роман? — спросил он в трубку. — Если ты ещё раз посмеешь позвонить на этот телефон, убью!

Если бы Рома видел его лицо в этот момент, точно бы умер... от страха.

* * *

Похоже, Никита услышал из всего нашего с Ромкой разговора то, что "мы любовники". Перспектива оставаться с братом рядом пугала до взбесившихся мурашек. Однако он пытался меня игнорировать, напоминая дымящийся вулкан, готовый взорваться в любой момент. А я просто задышался от ужаса.

Какой там Женька и его отношения с Романом! Я вообще перестал соображать. От этого постоянного напряжения, от безысходности, от собственного отчаяния.

Так прошло три дня. Атмосфера не то, что не разрядилась, казалось, она накалилась ещё больше, готовая разразиться апокалипсисом в любой момент.

Спасение пришло (а вернее пританцевало) в лице Иринки. Никита не проявил энтузиазма при виде гостьи, однако кого-кого, а её это ничуть не смутило. С наглостью, достойной лучшего применения, она ворвалась в мою комнату.

— Как ты можешь сидеть тут! Глянь на улицу! Там солнце, зелень, ЛЕТО!!! — её гиперактивный энтузиазм просто убивал. — Между прочим, мы собирались пошастать по ВУЗам.

Ой-ёй. Она меня такими темпами запихнет туда, куда я совсем не стремился. Притом убедив впоследствии, что это была целиком и полностью моя идея.

Не дожидаясь какой бы то ни было реакции, меня уже тянули к двери. А там, в позе всея владыки, возник брат.

— Ну и куда собрались? — поинтересовался он.

— Мы, как честные абитуриенты, идем на ВУЗ.

— У-м. Уже сочувствую ВУЗу, на чьи стены вы нацелились, однако Александру неплохо бы сначала позавтракать. Кроме того, он под домашним арестом.

— Ну, Никитушка, ну родненький, ну пожалуйста! Мы туда и обратно! — Ира уже висела на Никите, который, в ступоре от такой феноменальной наглости, созерцал висюльку.

Признаться, я сам в шоке наблюдал за ней, не представляя, что будет дальше. Мне бы ни в жизнь не хватило смелости вот так использовать человека в качестве вешалки для

себя любимого, тем более этого темного субъекта. А дальше брат отцепил её и провозгласил:

— Сначала завтрак, а потом, если вы не передумаете, я отвезу вас, куда пожелаете.

Если кто-то надеялся, что Ира откажется от своих планов, он жестоко ошибался. Иришка в принципе не тот человек, которого можно переубедить или остановить, если уж она что-то решила.

Таким образом, позавтракав под неумолкающий монолог вторженки, мы отправились в выбранные Ирой ВУЗы. Мне повезло, что среди них не было чего-то связанного с балетом или кройкой и шитьём, потому что дизайн и филология, которые выбирала Ира (скорее в угоду своему романтизму, чем реально решив избрать это делом своей жизни) уже вызывали издевательские комментарии брата. В любом случае с нашим маршрутом я ничего не мог поделать, потому что даже не начинал задумываться о своём будущем.

Надо сказать, Ира благоприятно влияла на Никиту. По крайней мере, он уже не выглядел так, будто готов кого-нибудь прибить. В её присутствии говорить вообще было не обязательно, она справлялась с этим за троих. Хотя брат не мог позволить кому-либо быть постоянно в центре всеобщего внимания, потому местами Иришкин монолог переходил в диалог (со множеством едких замечаний и язвительных выводов).

В очередном ВУЗе мы в который раз за день застряли. Ира выясняла что-то там жизненно важное, мы с Никитой сидели в кафешке. Я ел мороженое, которое, как всегда не дождавшись своего съедения, начало таять и сейчас мы играли наперегонки: либо я его всё-таки съем, либо оно меня всё-таки заляпает (последнее вероятнее). Азарт был велик. Так что взгляд брата я не замечал до последнего. Зато когда соизволил-таки взглянуть, почему, собственно, эта язва ещё не прошла относительно моего безобразного поведения... меня будто кипятком обдали. Ну и как всегда, отвести взгляд я уже не смог. Никита напряженно следил за каждым моим движением, с таким жаром провожая глазами по коже мой язык, будто от этого зависела его жизнь, как минимум. Я замер от ощущения опасности в застывшем воздухе и даже не почувствовал, когда мороженое всё-таки победило. Зато это заметил брат. Сначала его взгляд переместился на мою руку, освобождая меня от своего гипнотического воздействия. Потом он притянул мою руку к себе и стал слизывать мороженое, притом выглядело это так, что сразу можно было вешать табличку: лицам младше восемнадцати смотреть воспрещается! А каково, когда это с тобой делают? Инстинкт самосохранения выль благим матом за пределами ультразвука, а мне оставалось только вырываться из последних, и так не великих, сил. Однако эта зараза с садистичной медлительностью извращалась уже с мороженым, искоса поглядывая на меня. Под конец этого занятия меня уже ощутимо трясло. То, что в кафешке был кто-то ещё, я не помнил... Напомнила Ира.

— Чем вы тут занимаетесь? На вас всё кафе пялится, вы в курсе?

Никита соизволил-таки меня отпустить, чем я неминуемо и воспользовался, сматываясь в туалет.

Да, так завести меня мог только он! От сотрясавшей все тело дрожи стоять было

невозможно. Закрыв сидение унитаза и приземлившись на него сверху, я занялся непосредственно дрочкой.

Более-менее успокоившись и приведя мысли в относительный порядок, попытался разобраться в произошедшем. Не помню, чтобы раньше Никита на меня так действовал. Да, я на него всегда реагировал не так, как на других, но это было скорее опасение, нежели возбуждение. Да, он меня и раньше трогал, а я возбуждался, но какой нормальный подросток не возбуждается, если его между ног гладить и лизать? Сейчас было не так, ему в принципе не надо было меня трогать, чтобы я завелся. Достаточно голоса, взгляда... Хуже не придумаешь! Можно сказать, я был на грани, когда сам буду умолять его оттрахать себя.

Возвращался в отвратном настроении. Как и ожидалось, Никита встречал меня злорадным взглядом, разглядывая с каким-то собственническим садизмом.

— Ну, наконец-то! Нам уже пора возвращаться. Никита предложил поужинать у вас и переночевать! А завтра опять поедem на разведку! Я уже и своих предупредила, что у вас остаюсь, — весело вещала Ира.

Я изумленно разглядывал брата, пытаюсь понять, что он задумал. Никита явно был не в восторге от компании не в меру активной девицы, но во время её объявления сохранял спокойствие и невозмутимость, что говорило о его соучастии. Странно. Как они вообще умудрились прийти к согласию хоть в чем-то?

Долго раздумывать мне не дали. Ира зацапала мою руку и потянула меня к выходу. Никита расплачивался с официанткой. Домой ехали так же, то есть под Иришкин монолог. Вот кого ничто не могло удивить и вывести из равновесия. Ужинали тоже молча, вернее, молчали мы с Никитой, Иру это не волновало и не останавливало.

Решено было оставить Иру спать в моей комнате, я застелил себе диван в гостиной. Никита сразу после ужина ушел к себе. Ира пришла ко мне посмотреть какой-то фильм.

— Слэш, ты гей? — не поворачиваясь ко мне, спросила девушка. Я застыл. Хотя удивляться нечему. После того, что она увидела в кафе, вопрос был вполне закономерен.

— Не знаю... — честно ответил я. Впрочем, как сказать. Не то чтобы я не замечал девушек, но они не щекотали нервы так, как, скажем, Никита, от одного вида которого меня в дрожь бросало.

— Думаю, ты, по крайней мере, би, — ага, пробует почву. Зная Иру, могу сказать, что в моей ориентации она уже уверена, просто к чему-то ведёт. И, похоже, не слишком приятному для меня. — Мне показалось, что у вас что-то есть с Никитой... Вы любовники?

Теперь я просто прирос к дивану. Ну и как отвечать на такой вопрос? Что вообще-то мы братья? Ага! Это после кафе-то! Так она и поверит, что между мной и братом, вылизывающим меня как последняя проститутка, ничего нет. Что я возбуждился от вида Никиты, поглощавшего с меня мороженое, и это вполне обычное дело между братьями.

Но ведь и любовниками, строго говоря, мы не были.

— Нет, мы не любовники... — отвечаю задумчиво. Ира не выдерживает и поворачивается ко мне.

— Ну да, а то, что вы в кафе творили, обычное дело? — с ехидцей пропела пронира. Ну, что я говорил! Вернее думал.

— Почти... — не говорить же, что мы можем устроить что-то похлеще того представления с мороженым.

— С ума сойти! — она прикрыла глаза. — А я все думала, чего это он тебя к нам отправил. Теперь-то ясно. Неясно другое — зачем забрал... Хотя, после случая с Ромой..., — меня передернуло. — Значит ты, наверное, уже все для себя решил, раз остаешься тут, — задумчиво продолжила она.

Я решил? Решил Никита, а я подчинился. Мне и в голову не могло прийти сопротивляться ему. Я удивленно смотрел на Иру, не понимая самого себя. Ну да, привык плыть по течению, подчиняться, не задавая вопросов. А ведь все, чего я хотел, чтобы брат был рядом. И это притом, что мне почему-то всегда казалось, что я именно этого не желаю больше всего. Я его боялся? Нет. Я совсем не боялся Никиту, любого его прикосновения, повышения голоса или взгляда. Значит, Ира была права, я давно все для себя решил, просто сам этого не осознавал.

— Похоже, ты права, — улыбаюсь я, понимая, что, что бы теперь не произошло, так оно и должно быть. Ира улыбнулась мне в ответ и повернулась к телевизору. Не думаю, что ей удалось его посмотреть, просто она думала о моей ситуации. Я тоже думал.

* * *

На утро я уже не чувствовал себя марионеткой. Выбрал пару учебных заведений из принесенных Ирой книжек, поддерживал Иришкину болтовню, пару раз сцепился с братом. Никита только зло шурился, но по его губам изредка пробежала довольная ухмылка, как у кота, натрескавшегося краденой сметаной.

Ира была просто счастлива, и это было заметно. Если вчера её активность была невыносимой, то сегодня это буйство не лезло ни в какие ворота. Правда, доставалось в основном мне. Так что к вечеру меня нельзя было сравнивать даже с выжатым лимоном. Я еле передвигал ноги.

Когда Никита толкнул меня на диван в гостиной, сопротивляться я не стал.

— Сейчас принесу что-нибудь поесть.

— Нет, — застонал я.

Мы только что приехали от Морозовых, куда подвозили Иру. Инна Сергеевна отпустила нас только после того, как накормила, притом по только ей одной известной мерке, а это

значит, что передвигаться я не мог ещё и из-за количества поглощенной пищи.

Никита сел рядом и, резко развернув меня спиной к себе, начал массировать мои плечи. Сказать, что это было приятно — не сказать ничего. Это было божественно! Длинные сильные пальцы, поглаживающие через футболку мои уставшие мышцы, отправляли прямиком на небеса.

Я счастливо улыбался, подставляя свое тело его пальцам и тихо постанывая от наслаждения. Когда начал заводиться, не понял сам, только дыхание сбилось, а стоны теперь я пытался гасить... Тщетно. Резкий толчок — и я оказываюсь прижатым животом к дивану. Никита ложится сверху не полностью, просто прижимает мое тело своим, зависая на руках. Трется, медленно поглаживая мою спину и стягивая футболку.

— Н-н-н... — я выгибаюсь ему навстречу.

И тут же чувствую его вес, вжимающий меня ещё плотнее, губы брата на затылке, горячее дыхание, сдувающее волосы; его руки, протискивающиеся между мной и диваном, поглаживающие живот, спускающиеся все ниже.

К тому времени как на мне не остается одежды, а член брата беспрепятственно трется об меня сзади, я перестаю вообще хоть как-то соображать. Просто выгибаюсь ему навстречу и срываюсь со стонов на всхлипывающие вскрики.

— Пожалуйста, Н-н-н... Никита! — сам не понимаю, что несу, но молчать тоже не в силах.
— Сейчас!

Горячий поцелуй в затылок, и тяжесть его тела пропадает.

— Не-е-ет... — я пытаюсь развернуться, чтоб вернуть его обратно. Рука Никиты давит на спину, заставляя остаться в прежнем положении. И его язык прикасается к анусу. Странное ощущение, не неприятное, просто непонятное и пугающее.

— Встань на четвереньки, упрись сильнее, — хрипло просит Никита. — Раздвинь ноги шире.

Его язык и пальцы сзади — очень странно и непонятно. Вторая рука гладит меня спереди. Я дрожу и выгибаюсь, пытаюсь не сжимать мышцы. Потом все пропадает, и после пары минут руки Никиты ложатся на мои бедра. Вдавливая себя в меня, брат по миллиметру входит. Боль и наслаждение. Слезы и болезненный стон, который пытаюсь гасить, закусывая губу.

— Ш-ш-ш... Потерпи ещё немного, — стонет в ответ Никита. И я терплю.

Раньше я как-то не задумывался о том, как это бывает, не пытался представить, что надо вынести. Если бы знал, порасспрашивал хотя бы того же Женьку. Так что я оказался совершенно не готов ни к боли, ни к размерам брата в себе (я об этом даже никогда не задумывался!).

Никита замирает, мои руки и ноги дрожат. Его прерывистое дыхание, мое неровное. А потом медленно и аккуратно он начинает двигаться, задевая во мне что-то, отзывающееся во всем теле неконтролируемым вождением. Стоны, рваный ритм.

* * *

Очнулся я в кровати брата. Похоже, это мой рок — заваливаться в обморок по поводу и без.

— Как ты? — Никита стоит одетый у окна. Темень непроглядная, вижу только его силуэт.

Пытаюсь привстать и тут же понимаю, что это очень, очень и очень глупая идея. Со стоном падаю обратно. Никита реагирует на стон и подходит к кровати.

— Не стоит двигаться, лучше тебе какое-то время отлежаться. Очень больно? — в голосе слышится волнение и какие-то виноватые нотки.

— Все нормально... я думаю. Что произошло?

— Ты в обморок упал... Я не сразу заметил, — последнее он сказал как-то приглушенно. М-м-м... не сразу заметил, то есть какое-то время имел моё бесчувственное тело? Почему-то мне стало смешно так, что скрыть это совсем не удалось, и пара хихов все-таки вырвались. Я попытался замаскировать это покашливанием.

— Что смешного? — раздраженно возмутился Никита. Только мне стало ещё смешнее, и я тихо начал давиться смехом, пытаюсь при этом принять такое положение, чтобы было не очень больно.

Никита не выдержал, включил настольную лампу, садясь рядом. Мы оба зажмурились от яркого света.

— Я мог тебе навредить, ты это понять можешь? Хотя какого черта. Ты уже... с кровати встать не можешь.

Мне хотелось провалиться или свалить от этого пристального взгляда, но деваться было некуда. И потом, меня мучил один вопрос, вернее их было много. Вот только спросить...

— Тебе хоть понравилось? — спрашивать о том, кончил ли он, не приходилось. Почему... Да потому, что он меня не помыл! И я все ещё странно себя чувствовал, разбирая эти чувства на боль, истому и непонятную пустоту.

Никита смотрел на меня как на законченного садиста и психа. Похоже, говорить об этом ему тоже не хотелось.

— Да, — ум... Как содержательно. На секунду я прикрыл глаза и тут же распахнул их, потому что прозвучал вопрос Никиты: — А тебе?

Он не поставил меня в тупик, но признать... Он ведь и так должен был все понять, зачем

спрашивать? Но почему тогда спрашивал я? Значит, так надо. Закрываю глаза.

— Да... потому и сознание потерял, наверное.

Мнусь какое-то время, но это сказать я ему должен. Даже если не учитывать, что мы переспали, он все-таки мой брат:

— Я, вообще-то, не представлял, что все это... так бывает.

— Что все? Ты про секс... секс с женщиной? — какое-то время он напряженно молчит. — Ты с кем-нибудь раньше спал? Девушка? Парень?

— Нет, — глаз открывать не хочется, уточняю: — Ни с кем.

— А как же Рома? — резко переспрашивает Никита. Отвечать не хочется, но раз пошла такая пьянка...

— Никак. Понятия не имею, что тогда произошло.

— Ну да? И стояк у тебя был тоже от непонимания? — жестко и насмешливо.

Злюсь.

— Ага! А ещё мне хотелось, чтоб меня так и вжимали в стену и желательно у неё же и трахнули! — а я ведь действительно хотел. Моё тело с ума сходило. Но признаваться в этом даже перед самим собой было просто невыносимо. Закрываю лицо руками.

Молчание, тишина. И в следующий момент меня накрывает его тело. Никита отрывает мои руки от лица и целует зло, грубо, больно, мучая и наказывая. Мои слезы, как всегда, не заставили себя долго ждать. И все-таки его тепло успокаивает. Даже так грубо и насильно, но, когда он рядом, все правильно.

* * *

Следующие несколько дней мне пришлось пролежать в постели. Никита старался дома не появляться. Во всяком случае, я так решил потому, что почти не видел его. Зато была Иришка, и её было слишком много. Правда, надо отдать ей должное, она меня практически не теребила. Еду приносила в постель, ВУЗовские анкеты мне тоже было позволено заполнять лежа. И вот почему я любил этого конкретного человека: при всей своей болтливости Ира ни словом не обмолвилась о моем теперешнем состоянии. А ведь наивной душой она не была, все прекрасно понимала, возможно, ей было любопытно или тревожно, но спрашивать не стала. Как думаете, почему? Потому, что она была мне сестрой. Не кровной, а по духу. И прекрасно понимала, что парню такой расклад дел принять тяжело. А если бы хотел, совета уже спросил бы.

* * *

Мы с Ирой поступили в разные учебные заведения, несмотря на все мои пророчества.

Просто с недавних пор я осознал, что сам способен принимать решения, хотя это и казалось странным и неправильным. Не было чувства защищенности от чужой, пусть и навязанной воли. Зато был адреналин и какое-то злое вдохновение. Я, оказалось, мог быть обаятельным гадом, чего раньше в себе не предполагал.

А ещё был злой и неуправляемый Никита (хотя когда это он был управляемым?). Мы больше не разговаривали, мы трахались. В любой позе, как ему угодно и где ему угодно. Я научился сосать. Чего мне это стоило? Тех жалких остатков гордости, что у меня ещё были. Только брата это не удовлетворило, а лишь разозлило. Он стал грубым и жестоким. Это выжалось во всем: взгляде, жестах, и даже не в словах, а в самом голосе. В этой лихорадке я сгорал мотыльком. Отчаянно желая его и не получая, я замерзал. Потому, что как бы мы ни были близки физически, мы были неизмеримо далеки друг от друга.

Глава 3. Воссоединение — притяжение душ

Я стоял на пороге Женькиного дома и нервно курил. Наверное, стоило сначала найти его ангелочка и прояснить, что же все-таки случилось на выпускном. Но я уже тут.

— Слэш? — голос неверящий и глухой. Я резко оборачиваюсь и вижу Джеки. Почему я не пришел раньше? У друга было лицо прожившего свою жизнь старика, опустившего руки, отчаявшегося. Даже не думая, бросаюсь навстречу и обнимаю его. Вот тут ступор его покидает и накрывает истерика. Такого я о себе за всю жизнь не слышал. Никогда бы не простил Джеки те слова, но его боль была столь разрушительной, что я остался. А он, в конце концов, позволил мне остаться.

Выяснение отношений продолжили уже в квартире. Можно сказать, себя я отмазал. Хотя прямо сказал, что хотел его Романа (а что скрывать, это все участники того «представления» поняли), но видов на него никаких не имел и не имею.

— Ты всегда был таким..., — задумчиво просветил меня Жека.

— Каким? — не понял я.

— Нашим, — с издевкой заявил он.

Думаю, так оно и было. Именно поэтому мне было легко общаться с геями. Только простить себе я этого не мог, а принять тем более. Почему мне был нужен кто-то ещё, кроме Никиты? Это было несправедливо, обидно, жестоко и подло. И ведь я не желал никого, кроме брата... душой. А тело хотело. И смириться с этим было невыносимо.

Мы с Джеки разошлись мирно. Пока что о возврате дружбы говорить было рано, но построенный нами хрупкий мостик обнадеживал. Терять человека, способного назвать такую сволочь как я, другом, мне было страшно. Вот он, если не последний, то предпоследний шаг в пропасть. Делать его добровольно я был не намерен.

На улице сгустился сумрак.

— Где ты был? — исступленное шипение и удар, от которого мир перевернулся. Я рухнул на пол, но прийти в себя мне никто не дал. Брат рванул меня за волосы и потянул к себе в комнату. Я задрожал. С каких пор я начал бояться его комнаты?

Приземлился на кровать и получил ещё один удар. Перед глазами все поплыло. А Никита уже срывал с меня одежду, вертя мое тело, как вещь.

— Я задал вопрос, отвечай! — приказ сопровождался резким встряхиванием, от которого я прокусил губу. Комната вращалась уже непрерывно.

— У Жеки, — еле слышный хрип, в который превратился мой голос, был неузнаваем.

Еще удар и ещё... Таким Никита не был никогда. Вспышка всепоглощающей ярости и

заглянувшее в гости безумие. Как я ещё не потерял сознание, было удивительно.

— Что вы делали? — рывок, удар.

— Говорили, — это было сказано так тихо, что, наверное, он не услышал.

Удары вдруг превратились в побои другого рода. Так безбожно он меня никогда не брал... нет, на этот раз драл, изнутри. Когда пришла тьма, я принял её с благодарностью и радостью.

* * *

Приходил в себя я уже куда тяжелее.

— Саша! — голос Никиты, но он меня так не называет. Болело все. Мучительно. Я застонал и открыл глаза. — Жив? Саша, скажи!

Это все же был Никита. Перепуганный, больной. Во всяком случае, выглядел так, будто били именно его и он был при смерти.

— М-м-м... ха..., — что это было? Говорить я был просто не в состоянии.

— Сейчас, — и брат ушел.

Вернувшись со стаканом воды, он помог мне сесть. Это оказалось таким ужасом, что все побои показались цветочками, вернее они, наконец, стали ягодками. Промочив горло, я почувствовал что могу говорить.

— Все в порядке, — и это мой голос? Да. Плохи дела. А что делать. Больница — не вариант.

— Сейчас вызову врача, — Никита хотел меня уложить. Но я вцепился в него так, что пальцы побелели. Он спятил! Любой врач поймет, что тут было. Я конечно не ребёнок, но восемнадцати мне ещё нет. Никита опекун.

— Никаких врачей! Я в порядке! — ага, в порядке, как же! Но лучше сдохну, чем брата подставлю.

— Я понимаю, что тебе стыдно. Но тебе нужна помощь квалифицированного врача. Это не шутки! — закрыв глаза, он горестно простонал: — Ты бы сейчас себя со стороны видел!

Не знаю, как я выглядел, но судя по Никите — паршиво. И потом тело говорило, что все ещё хуже. Но это не повод подвергать брата опасности.

— Мне не стыдно, — смотрю ему в глаза.

— Тебе нужен врач, — умоляюще шепчет брат.

— Только такой, который не задает вопросов и не распускает язык, — твердо бросаю в ответ. Удостоверяюсь, что он меня понял и только потом позволяю уложить себя и отойти.

Похоже, я задремал. Никита иногда будил меня, вытирая прохладным, мокрым полотенцем.

— Где этот сопляк! — чужой ор, иначе не назовешь, прервал мое беспамятство.

— Тише! — О! Никита пришел в себя, если уж он может на кого-то злиться и повышать голос.

— С какой стати я должен быть тише! — но тон незнакомец поубавил. — Эта мелкая гадина плохо себя чувствует, и ты уже срываешь меня с работы?

— Заткнись! — Ого! Нет, брат в ярости. Что-то сейчас будет! Ждать я не стал.

— Прошу Вас, пройдите сюда! — крикнул я что было сил. Получилось карканье, мало напоминающее человеческую речь.

Однако через пару минут в поле зрения появилось лицо, похожее на Никиту лет через двадцать. Лицо это было хмурым, недоброжелательным и настороженным. Это оказался отец Никиты — Андрей Сергеевич Андреев, хирург. Взглянув на меня, он больше не кричал, только распоряжался мной и братом. Профессионализм. Андрей Сергеевич видел работу, которую должен был сделать, как бы он ко мне ни относился.

— Кто его так? — будничным тоном спросил отец Никиты, вплотную занимаясь... моей задней частью.

— Я, — флегматично ответил брат. Его отец дернулся и замер. Хм-м-м... не завидую ему, вот таким оригинальным способом узнать о некоторых склонностях своего чада.

— Все это?

— Все.

Больше они не разговаривали. Когда со мной закончили, я тут же отрубился. Разбудил меня Никита.

— Саша, проснись, надо поесть.

Брат кормил меня сам, сидел рядом, только что на руках не держал. Вот оно счастье! Экстрим, конечно, получать радость такой ценой. Но если по-другому никак...

— Отец заберет тебя к себе, как только ты поправишься, — моя идиллия рухнула. Да, за радость надо платить, но кто сказал, что я уплатил сполна? Нет! По своим счетам я ещё платить и не начал.

— Зачем? — с тоской взвыл я.

— Чтобы защитить, — грустно улыбнулся Никита.

— От кого? — упрямлюсь я.

— От меня, — брат спокойно рассматривает меня.

— Глупости! Что за бред! Меня не надо защищать от тебя.

Конечно, не надо! От кого угодно, только не от брата. Он может убить меня, если ему захочется — разве я возражаю! Главное, чтоб это был Никита, остальное неважно.

— Надо. В следующий раз я могу тебя убить, — он морщится, как от зудящей боли, и с интересом смотрит на меня.

— Ерунда! — уверенно заявляю я.

Кто бы мне сказал, откуда эта вера? Я знаю, что он сможет меня убить, просто случайно. Тогда почему я не верю в это?

— Это правда.

Горячие губы ныряют за воротник, прижимаясь к шее. Я вздрагиваю, сжимаюсь. Ого! Это остаточная реакция. Тело ждет побоев. Никита зло щурится, по его телу пробегает дрожь, глаза закрываются, а кулаки сжимаются, и он яростно шепчет:

— Боишься? Правильно!

Он хотел сказать что-то ещё, но... Что значит боюсь? Я не боюсь его. Что бы он ни делал, я не боюсь. Может, я сумасшедший, может, самоубийца. Только одно верно — сумасшедший и самоубийца я ЕГО! Набрасываюсь на его губы, превозмогая боль. Брат пораженно застывает и через томительные секунды отвечает, просто не может не ответить!

— Ну и... что тут происходит? — вкрадчивый голос Андрея Сергеевича тут совсем не к месту.

Никита надо мной, его губы на моих губах, одна его рука на моем паху. Мои руки в его волосах. Ну и обоюдный стояк, как бы между прочим. Я облизываюсь.

— Я остаюсь здесь, — говорю с вызовом, не отпуская брата.

— Другого от тебя и не ожидалось. Хочешь испортить Никите жизнь?

— Да, хочу.

Что тут портить? Он на работе живет. А вот Андрей Сергеевич такой наглости не ожидал. Правда, Никита тоже, прищурившись, разглядывает мое лицо. Поворачиваюсь к нему:

— Невозможно испортить то, чего нет.

— И я не смогу тебя разубедить? — спрашивает отец Никиты. Садимся на постели, я прижимаюсь к брату, он притягивает меня поближе.

— Нет.

— А если мы заключим сделку? Ты оставишь моего сына до своего... хотя бы восемнадцатилетия. А я обеспечу тебе безбедное существование... квартиру, деньги, что там ещё, машину.

Думаю и понимаю, что все это мне не надо, вернее, я даже не понимаю, что от меня хотят. А с другой стороны, я так привык, что все блага прилагаются к Никите, что забыл о неимении у себя за душой ни денег, ни других материальных благ этого мира. Кроме того, когда я буду совершеннолетним, опекун мне не потребуется. Куда ни глянь, а мы с Никитой не ровня. Хотелось бы мне предложить ему что-то большее чем свое тело (ну и душу, разумеется, как бонус... осязаемый такой бонус).

— Никаких сделок, — говорю задумчиво. Брат выдыхает. Удивленно поднимаю на него глаза, а он только улыбается. Чего это он?

И тут я вспоминаю про нашу мать. Она их бросила. Обоих. И ведь оба видят во мне ее. Сейчас так точно. В глазах настороженность, отголоски старой боли и страх. Почему-то из нас троих брошенными и одинокими выглядят они, а не я. Просто, чтобы быть одиноким, надо потерять, а мне ведь было некого терять. У меня всегда был только я сам. Мои размышления прервал отец Никиты:

— А если на твоих условиях? Чего ты хочешь?

Чего я хочу... Кроме Никиты? Ничего. Ну, у меня есть разные потребности. Но только одна кажется мне жизненно важной — брат.

— А оставить нас в покое Вы не можете? — с надеждой спрашиваю я.

— Он мой сын.

— И мой брат, — Никита вздрагивает.

— Братья не трахаются!

— Трахаются, и не только братья, это инцестом называется, — доверительно сообщаю я. Никита начинает давиться смехом. — И потом, теперь-то какая уже разница?

— Действительно! Мой сын гей и насильник, притом все это по отношению к своему брату. «Какая разница»?!

— Не стоит беспокоиться, я не против.

— Вот это-то меня и беспокоит, — разворачивается и на выходе из комнаты сообщает: — Никита, я на кухне.

Удивительный человек, понятно, откуда все это в Никите. Если твой папа стойко переносит все, то ты вполне можешь не утруждать себя моральными страданиями и творить, что в голову взбредет. Вот именно этим мой брат и занялся. Если я думал, что появление его отца что-то изменило в ситуации, то я плохо знал своего брата.

Никита, разделавшись с нижней частью моей одежды, опрокинул меня на спину и теперь нацеловывал бедра, поглаживая между ног. Я по привычке пытался их раздвинуть, чтобы открыть ему доступ к стратегически важным местам. Только это было крайне болезненно. Мои страдания прекратил брат, сдвинув ноги обратно.

— Нельзя, — только и прошептал он. Я воспринял это, как собака команду хозяина. То есть, перестал рыпаться вообще.

А дальше мне оставалось только попытаться глушить свои стоны (что у меня всегда плохо выходило) и цепляться за волосы Никиты. Потому что он накрыл мой стояк своим ртом и просто издевался, не позволяя мне потереться об себя, легонько щекотал член и мошонку языком.

— Н-н-никита! — умоляюще застонал я, сопровождая это давлением своих рук на его затылок. Мне уже было абсолютно наплевать на посторонних в доме, только бы получить обещанное его языком наслаждение.

Брат, наконец, внял моей просьбе. Взяв мой член одной рукой, он обхватил губами головку, медленно начиная двигаться по стволу, сопровождая процесс поглаживанием языком. Понятное дело, что собрать себя по частям я смог только когда кончил.

Вот в такие моменты Никита всегда напоминал мурлыкающего кошака. Довольная улыбка никак не желала покидать его губ (частенько с остатками на них моей спермы), которые то и дело теревил его влажный язык. Зрелище было еще то, а главное, просто гипнотизировало своей откровенной пошлостью.

Полюбоваться на это брат мне не дал. Одел меня обратно и вышел из комнаты. В общем, правильно не дал, иначе одним минетом не обошлось. И вот тут я вспомнил о его отце на кухне, который все это слышал. Так стыдно мне не было за всю мою жизнь!

Андрей Сергеевич ушел, не попрощавшись со мной, что меня несказанно радовало. Смотреть ему в глаза после такого я был просто не в состоянии. Только Никита мог оставаться сейчас спокойным и невозмутимым, будто мы тут цветочки на окне весь день поливали!

О моем переезде пока не говорилось ни слова. Я так и не понял, мое мнение было услышано или проигнорировано (со стороны Никиты это была традиционная позиция).

На этот раз в горизонтальном положении пришлось провести больше недели, оба Андреева настаивали на постельном режиме. Радовало одно — Никита был рядом. Постельный режим мы соблюдали, только не совсем точно, потому что изначальный «покой и постельный режим» в нашем исполнении получился «активный постельный режим».

Не обошлось без неожиданностей (а для меня так и шокотерапии). В один из дней, когда я уже мог сидеть (что поначалу казалось недостижимым чудом), а у брата вновь проснулось желание немного поиграть, все пошло совсем не так, как обычно.

Вернее, сначала ничто не предвещало бури. Я, сидя в постели, играл с членом Никиты и слушал его сбившееся дыхание. Оттягивал крайнюю плоть и нежно водил языком по уздечке. Рука на затылке собирала волосы в кулак, фиксируя мою голову в одном положении. Член терся о мои губы. Впустив его в рот, плотно обхватывал губами...

И тут у меня забирают «игрушку»! С обидой и нетерпением смотрю на брата. Что ему не понравилось? Неужели зубами задел?

Никита стягивает остатки одежды. Не очень понимаю зачем, ведь сейчас заняться сексом мы не можем. А вернее, не могу я. Тем временем брат забирается ко мне в кровать, смещая меня на край, и по-хозяйски заваливается на спину. Я удивленно пялюсь на все это действие, но с вопросами не спешу. Сначала стоит попробовать, чего хочу я. А потом спрошу, чего хочет он.

Никита валяется голышом на моей кровати с бешено сверкающими глазами из-под полуопущенных ресниц. Больше всего в этой картине возбуждает его нагло торчащий член при полностью расслабленной позе.

Моя рука задумчиво начинает продвижение по открывшемуся испытательному полигону. Потом в ход идет другая, к рукам присоединяется рот со всем своим военным потенциалом. Боевой комплект, блин, губы, язык и зубы. Обожаю торс Никиты, свое восхищение ему я выражаю поглаживанием рук по бокам, поцелуями от пупка к груди, языком вывожу обратный путь к пупку и ныряю в это отверстие, извращаясь там языком и прикусывая кожу зубами. Протяжный стон мне в награду. Перемещаюсь к груди, а именно, вонзаю зубы в левый сосок, втягиваю в рот, посасывая. Рукой надавливаю на правый сосок. Кто б мне раньше сказал, что мужские соски такие сексуальные? Маленькие и беззащитные, но от меня не спрячешься. Эта игра надолго меня захватывает. Пока не осознаю, что в пылу эксперимента залез на Никиту, и теперь мы трем друг о друга возбужденные до крайности. Стягиваю с себя пижаму, она только мешает.

Никита накрывает мои ягодицы ладонями, поглаживает. Как же я его хочу! Хочу его рот сейчас!

— Возьми меня! — хриплое восклицание брата ставит в тупик. Все, о чем я могу думать

— это о его губах. Но Никита перехватывает подушку, запихивает её себе под задницу и раздвигает ноги. Его вид с раздвинутыми ногами, стоящим членом и раскинутым телом подо мной! О таком я и не мечтал. У меня просто сносит крышу!

Я суечусь? Да, я одурел от желания! Меня ещё хватило вылизать его и немного растянуть пальцами, но долго я терпеть не мог. Мне надо было немедленно оказаться в нем! Что я и проделал, судя по всему, крайне неуклюже. Никита напрягся и выгнулся, помогая мне проникнуть внутрь. Думаю, приятно ему не было ни сколько, но остановиться было невозможно.

Позже он ещё не раз позволял мне себя брать, но больше я не срывался. Вернее, с того раза я всегда помнил о его удовольствии, а не только о своем. Он, конечно, ничего так и не сказал, но мне от этого было не легче.

* * *

— Никита, я собираюсь встретиться с Ромой.

Долго обдумывал, стоит ли и надо ли, но пока не разберусь с небесной стервой, покоя мне не видать. До начала учебы ещё две недели, после вспышки Никитиной агрессии я уже оклемался. К своему отцу брат меня так и не отправил. Так что пора.

Сказать, что отразило сейчас лицо брата, было сложно и страшно. Такого бешенства оно ещё не демонстрировало.

— Что, разнообразия захотелось? — зло прошипел брат. А кто сказал, что будет просто? Я сам не знал, чего от себя ждать.

— Нет. Но разобраться я должен, хотя бы ради Джеки.

— А с этим гомиком ты вообще больше не увидишься!

— Он мой друг. К тому же я тоже гей, так что не вижу проблемы.

— В том-то и проблема, что вы оба бляди! — да, больно. А чего я ожидал, правда всегда болезненна.

— Мне надо разобраться! Что толку убегать от проблем. Потом будет хуже. Лучше узнать все прямо сейчас, чем потом это достанет меня, когда я буду совершенно не готов.

Никита закрыл глаза, пытаясь совладать с собой.

— Только в моем присутствии, — твердо сказал он, когда открыл глаза. Во взгляде же поселился холод и отстраненность. Вот и все.

— Как скажешь, — спорить я мог, но ведь в итоге все равно бы подчинился.

* * *

И вот мы собрались у Романа. Я, Никита, Джеки, которого я все же уговорил поприсутствовать, и хозяин дома. Всем было не по себе. Рома с жадностью и тоской разглядывал Жеку. Мы с Джеки были мирно настроены по отношению друг к другу, но холодность присутствовала. О Никите я вообще молчу. Брат выглядел полностью собранным и способным на убийство.

— Итак, начнем, — решил не тянуть потерявший свой нимб крылун. — То, что произошло на выпускном, спровоцировал я. Не знаю, что конкретно на меня нашло. Но вечная бравада Слэша о его «натуральности» достала. Я ему не нравился, поэтому мне хотелось раз и навсегда с этим разобраться. А вернее хотелось знать причину. Разговор ничего не дал, поэтому в тот момент узнать все таким способом показалось удачной идеей.

— И как? Узнал? — с издевкой спросил я. Было обидно.

— Ага. Первое, ты гей. Второе, мазохист, помешанный на подчинении. Третье, ты в меня не влюблен. Четвертое, от тебя сносит крышу, — спокойно перечислил свои открытия, потемневший от своей нелёгкой жизни ангелок. На такую наглость я даже не знал, что ответить!

— То есть, ты его хотел? — уточнил Джеки, от чего лик ныне пощипанного пернатого отродья совсем спал.

— До того как набросился на него с поцелуями — нет. Потом... да. Но нужен мне только ты, Джеки! Если бы я знал, во что все это выльется, близко бы к нему не подошел! Да и когда вы нас увидели, мы уже остановились.

Я разозлился.

— Вот только не надо обвинять во всех грехах меня! Можно подумать, я тебя в постель тянул! — возмущаюсь.

— А тебе и не надо тянуть в постель, — подал голос Никита. — Просто глянешь из-под ресничек, и тебя прямо у стеночки отымеют и в ротик, и в попку. Пока ты полностью удовлетворен не будешь.

У меня от возмущения, протеста и шока, что мой брат такое обо мне говорит (и говорит, судя по всему, правду), просто в голове не уместилось все вышесказанное. А вот двое свидетелей его спича с удивлением и непониманием смотрели на нас. Конечно! Я же их не посвящал в наши отношения. Для них он моя семья, мой брат.

— Хочешь сказать, что я шлюха? — зло бросаю ему.

— Именно. Притом любишь, чтоб тебя пожестче брали, а это заводит. И сопротивляться ты при этом совершенно не в состоянии.

От такой наглости я задохнулся (хотя, в общем-то, понимал, что он прав, но говорить такое при всех!). А эти самые «все» в шоке уставились на нас. Хм, они подозревали, что

Никита это не просто так сказал (конечно, на собственном опыте, так сказать, убедился!).

— Э... Никита, может, не стоит так говорить о брате. Он не виноват в том, что произошло, — вежливо попытался уговорить его Женя. Он, наверное, решил, что у брата приступ гомофобии.

— Не виноват, говоришь... — как-то очень спокойно и настораживающе ласково прошептал Никита.

После чего оказался рядом, рывком поднял меня с кресла и жестко впился в мои губы. Больно. Я попытался сопротивляться, слыша каким-то кусочком сознания перепуганные возгласы. Все это продолжалось недолго, ровно до того момента, пока брат не прижал меня к себе. Больше я не сопротивлялся, покорно открывая рот и запрокидывая голову. То есть, сделал все именно так, как он только что и предсказывал. После чего меня опустили обратно в кресло. Горящий взгляд Никиты потух, и он тоже вернулся на место. Невольные свидетели этой сцены застыли, непонимающе скрестив взгляды на мне. На брата они не смотрели, то, что он прибьет кого-нибудь, было очевидным. И, похоже, все уже выбрали жертву.

— Что это только что было? — решился спросить Роман.

— Демонстрация! — с отвращением пожал я плечами. Да! Никита подтвердил свои слова и показал, кому я принадлежу, все по полкам разложил! Зараза! — Но мы не из-за этого тут сидим! В общем, Роман нажрался и решил прояснить для себя вопрос о моей к нему нелюбви и попутно просветить меня относительно моих сексуальных предпочтений. Увлёкся. Что, собственно, вы и видели.

Я прикрыл глаза. Черт-те что! Ну, зачем Никита стал меня при посторонних целовать? Но это сейчас не главное. Зачем Роман полез меня целовать, и что из этого вышло? Вот вопрос вопросов сегодняшнего дня. Почему мне не нравится эта ангелоподобная сволочь? Ведь изначально он мне понравился. А потом был тот разговор и я его почти возненавидел за то, что он видит: во мне не осталось «невинности». Уже тогда у меня от Никиты крышу несло, о какой невинности разговор, когда ты, пусть и подсознательно, хочешь быть оттраханным своим братом? Я был уязвлен его пронизательностью, что он разобрался и в Жеке, и во мне и предпочел его, потому что Джеки «невинен»... телом — нет, а вот душой — да. Роман тогда назвал это искренностью. Но я понимаю это иначе. И еще он хотел защитить Джеки, а меня бросили. Было обидно. В общем, тем разговором Рома прошелся по всем моим мозолям.

Я подумал, стоит ли говорить об этом другим. Глянул на Романа, всего такого виноватого, исстрадавшегося. На Джеки, раздавленного той сценой, но до сих пор державшегося лишь каким-то чудом, а сейчас рядом с Ромой вновь оживавшим. На Никиту... брат был невозмутим. Только я ему не верил, потому что эта его невозмутимость была ненастоящей. И решив, что от моих откровений хуже будет только мне, остальным и так хуже уже некуда, выложил все. Джеки и Роман удивились и не совсем меня поняли. Никита все так же изображал загадочность и невозмутимость. На том и разошлись. Ну, почти. Я отослал всех, а сам вернулся на пару минут в квартиру.

— Что-то забыл? — спросил Роман, открывая дверь. Мой кулак был ему ответом. Было больно. Надеюсь, белокрысой сволочи больнее.

— Кажется, я предупреждал тебя насчет Джеки. Так вот, не исправишь положение — пеняй на себя!

Что он там хотел или мог мне ответить, я ждать не стал, пошел в машину к Никите и Жеке. Они оба были на взводе.

Мое возвращение Никита и Жека встретили хмуро. Но беспокоились, судя по всему, о разном. Вернее, беспокоились они об одном и том же, но в отношении разных людей. Брат жадно исследовал мое лицо на наличие «следов преступления», в общем-то, друг делал то же самое.

— Ничего не было, — спешу их успокоить. А Никита замечает:

— Ну да? Костяшки об косяк поцарапал?

— Это был мужской разговор, — я гордо задираю голову и шествую на заднее сидение к Жеке.

— Что с Ромой? — с беспокойством спрашивает друг.

— Да что твоему дылде сделается, у него череп чугунный! Это скорее моей руке триндец! — возмутился я под дружный хохот Джеки и Никиты.

Похоже, пронесло. Никита никого не убивает. Джеки оттаивает. Идиллия!

* * *

А дома меня ждало нечто особенное. Никита в ярости. Так что от порога мы далеко не ушли. Вернее, мы и от двери-то не ушли. Меня уткнули лицом в дверь, стянули штаны и вставили мне хорошенько. Я был полностью удовлетворен. Это-то и пугало. Видимо, брат разделял мои тревоги.

Мы прошли в гостиную. Судя по всему, у Никиты есть, что сказать:

— Продолжим откровения, чтобы уже не возвращаться к этому. Я как о тебе узнал, решил, что ты мне не брат, — выдал он, разглядывая мое лицо. Такого я не ожидал и просто застыл, а Никита продолжил: — Ребенок шлюхи не мог быть моим братом. Поехал взглянуть на то, что осталось от женщины, которая никогда не была мне матерью. Увиденное меня поразило, выбило почву из-под ног. Оставить тебя в приюте я не смог, как и избавиться потом. А дальше стало поздно. Братом я тебя не считал, но хотеть парня и, более того, кровного родственника, — уже чересчур. Не признавал очевидное, сколько мог. Но сын шлюхи тоже оказался шлюхой.

Я вздрогнул как от пощечины. Он уже говорил, что я шлюха, но я почему-то не воспринял это всерьез. Только сейчас понял, что он так обо мне в действительности думает! И что

вы предлагаете? Не давать братику? Если бы я мог! Да, я шлюха и блядь! Но, черт возьми, его шлюха и блядь!

— Так что никаких угрызений совести я не испытал, — тем временем он продолжал. — Правда, гордость не позволяла подчиняться прихотям сопляка, а упрямство говорило, что я сильнее. И я тебя отослал, а сам сбежал в Америку. Пытался проверить, насколько я гей. Но, сколько ни пробовал, ни черта не получилось.

Вернулся — и все по новой! Опять желание, опять самое важное — сопляк. Уйма народа, сующего к тебе свой нос, бесила. Присутствие этого Романа, твой друг гей, младшая девчонка Морозовых вечно вертится под ногами. Над всем этим понимание: какая же ты шлюха! То, что я тебя трахну, было вопросом времени. Только секс ничего не менял. То, что до меня у тебя никого не было, не успокаивало. Ведь главное начать.

А потом я сорвался, думал, убью. Испугался, как никогда. Мне это не понравилось. Когда ты с отцом говорил... Всегда думал, буду в таком разговоре на его стороне. Но не был. Ты прав, моя прошлая жизнь — не жизнь. А когда я понял, что ты все это время считал меня братом... Даже не знаю! Я себя предателем и последней сволочью почувствовал. Сам я о нашем кровном родстве не вспоминал. А у тебя кроме меня никого не было. Друзья не в счет. Нет ничего важнее семьи. Отец предлагал тебе уйти... Но если ты считал меня своей семьей, как ты мог уйти? А если ты все время думал только о том, чтобы тебя не выгнали? В общем, причин думать, что ты меня не хочешь, у меня не было, но мне надо было точно знать. Так мне пришло в голову предложить тебе себя... Не думал, что это вызовет такую массу эмоций, как от тебя, так и от меня. И не то, чтобы мне понравилось (особенно в первый раз), но, как ни странно, от мысли быть под тобой я не отказался.

И тут опять замаячил Роман! Ты сам сказал, что он тебе понравился. И тогда на выпускном его действия тебе тоже понравились. Я в бешенстве! И этот тоже хорош, что он в твоём друге нашел? О какой невинности вы говорили, если твой друг меняет партнеров чуть ли не ежедневно?

Для меня сейчас понять все это было невозможно. Надо было осмыслить, но отчего-то было так больно! Он меня шлюхой считает... Значит, не может уважать и любить? Надо хоть что-то сказать, что-то, что я понял.

— Думаю, я гей. И мужчины в целом меня привлекают. То, что вы с Ромой обо мне говорили, наверное, правда. Хотеть я могу кого угодно. Проблема в том, что мне никто, кроме тебя, не нужен.

— А если то, что ты чувствуешь — это только братская любовь? — не согласился Никита.

— Ты хоть сам понял, что сказал? — как бы мне сейчас ни было плохо, выдавливаю улыбку. — Где ты видел «братскую любовь» с постоянными отсосами и перепихом? Даже если я считаю тебя братом и своей семьей, это не мешает мне любить тебя, как возлюбленного.

Эхм? Какое странное слово «возлюбленный». «Тот, кого возлюблю» — это правда, но я не «возлюблю», я уже его «люблю»... Хотя «любовник» звучит грубо, мне все равно нравится.

— А Романа ты тоже любишь? — что выражал голос брата, я не понял.

— Романа я вообще не люблю! Он мне как человек понравился! Мне просто было обидно, когда в сравнении с Жекой я проиграл! — и, опережая его возражения: — А то, что я его хотел, так это потому, что я подросток и мне по возрасту положено хотеть все, что движется!

— Саша, боюсь, что тебе придется принять то, что ты мой! Я не потерплю никого другого в твоей постели. Ты сам сказал, что любишь меня. И как бы это ни было дико, мне, кроме тебя, тоже никто не нужен. Говорить тебе о любви я пока не научился, но зная тебя... тебе недолго осталось ждать.

Чего ждать? Я и так получил, что хотел. И, несмотря ни на какую боль, я его не отпущу. Это уже давно не обсуждается. Но легко не будет. Когда жизнь была легкой?

Глава 4. Вместе — раскрывая души

Началась моя студенческая жизнь. Общаясь со сверстниками, я, наконец, осознал, что сексуально меня привлекают именно парни. Пришлось признать, что я гей. Меня это не устраивало, но изменить я ничего не мог. Можно было только отводить взгляд от особенно понравившегося мальчика, и постараться не палиться.

Наши с братом отношения «трясло». После его откровений мне было очень больно. Возможно, даже больнее, чем когда он сказал, что ненавидит меня. В его отношении ко мне преобладало презрение.

Успокаивает одно: он меня хочет и отпускать не собирается. А мне так нужно чувствовать себя важным и необходимым ему. Впрочем, он от меня уже пытался убежать (из его же собственных слов) и ничего-то у него, бедненького, не получилось! И не получится! Пускай даже не мечтает! Не позволю!

Ага. Вот, исходя из таких побуждений, я его и доставал. Как это получается, сам не понимаю, но хочу его и, в результате, делаю все возможное, чтобы получить. Причем просто заполучить его в постель мало. Мне его надо довести, чтоб он меня вбил в эту постель. Чем жестче — тем лучше.

Такая тактика оставляла на мне кучу синяков, засосов, ссадин. Конечно, это немного пугало (особенно понимание, что я специально нарываюсь), но поделаться с собой я ничего не мог. Непреодолимая потребность. Мне был необходим жесткий трах.

Никита заволновался. Пытался сдерживаться. Но поскольку его сдержанность не входила в мои планы, у него это плохо получалось. В результате я все равно свое получал. А брат опять недовольно хмурился.

Через какое-то время он сообразил, что избавит нас от садомазохизма, если будет придерживаться пассивной роли.... Только ему это никогда особенно не нравилось и не удовлетворяло.

Так или иначе, но мы потихоньку сближались. Правда, о взаимопонимании речи пока не шло. Это был все тот же секс, но теперь... более «теплый», что ли? Я мог уснуть у него в постели, а, проснувшись, находил его рядом. Мы часто созванивались. Никита регулярно появлялся дома. Мы вместе ели, смотрели телик, говорили о всякой ерунде. Пытались не обострять отношения. Получалось так себе.

Андрей Сергеевич часто нас навещал. Как оказалось, раньше Никита только что у него не жил. Вот где эта зараза пропадала неделями! Так что теперь, когда брат постоянно жил дома... Как говорится, «если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Отец Никиты хоть и не радовался происходящему между нами, но относился ко всему лояльно и больше не вмешивался, что меня в нем всегда поражало. Он даже пытался меня не замечать (ну, не нравился я ему и все тут!).

Мы с Женькой продолжили общаться. Они с Романом понемногу помирились. Хотя

прежние отношения, конечно, не вернуть. Зато теперь между ними царили трепетность и понимание. Ко мне оба относились настороженно, зато сошлись с Никитой. Особенно с братом ладил Джеки. И мне пришлось признать, что я ревную Никиту к другу.

Морозовы к нам тоже заглядывали. Ира так чуть ли не еженедельно забегала. Она продолжала совершенствоваться в остротах, споря с Никитой. В моменты их увлеченных ядовитых диалогов я чувствовал себя лишним. Со стороны они смотрелись очень мило. И я опять осознавал, что ревную брата теперь уже к Ире.

Каждый раз после таких эмоциональных встрясок мне требовалась разрядка. Стоило гостям покинуть дом, и я набрасывался на Никиту или провоцировал его на действия.

Никак не получалось привыкнуть к тому, что он рядом и никуда не исчезнет в один прекрасный день. Мне нужны были доказательства. Того, что брат никуда не денется, что хочет меня, что не отпустит.

* * *

Мое восемнадцатилетие мы праздновали с Ромой, Женей, Ирой и Никитой в китайском ресторанчике. Почему китайском? Это я так хотел над ними приколоться. Прикололся в результате только над собой. Все отлично справлялись с палочками. Все. Кроме меня. Так что за нашим столом было весело. А мне вот всю жизнь казалось, что развлекать должны именинника.

— Слэш, ротик открой пошире, так больше вероятности, что попадешь, — ржет эта пародия на ангела. Какие ангелы? Где вы их видели? Да этой сволочи только рогов и копыт не хватает!

— Смотри, вот как надо держать... Журавликом, — советует Иришка.

Это журавлик? А почему он в позе рака? Издеваетесь?! У меня так пальцы не гнутся, чтобы эти палки полноценной прищепкой стали.

— Давай я тебя сам покормлю, — спокойно предлагает брат, а у самого толпа чертят в глазах. Аха! Он мне поможет! А кто мне потом кончить будет помогать? Довести — доведет! И будет любовно пялиться, пока я буду мучиться, это мы уже проходили.

— Отвалите. Девушка, дайте ложку. Можно вместо ложки веревку и мыло, — обреченно прошу у подошедшей официантки. Она тоже весело скалится и резво убегает за требуемым (наверное, веревка и мыло давно приготовлены).

— Зачем тебе веревка и мыло? — типа не понимает Джека. А еще друг называется.

— Руки мыть и макраме плести, — огрызаюсь. Все опять ржут. Да чего это с ними, накурились, что ли, или в еду чего подмешали? Им палец сейчас покажи... И я показываю средний палец. Эти весельчаки чуть ли не под стол падают. А ведь мы даже не пили!

— О, да! Слэш, ты у нас теперь большой мальчик. Так что будет тебе и фак, и спиртное, и

сигарета! — просвещает меня Рома. Можно подумать у меня до восемнадцати ничего этого не было.

Официантка вручила мне ложку, и я, наконец, смог пожрать. После чего уже не чувствовал себя таким раздражительным и злым. Но Никита все равно мне должен. И плевать, что устроить день рождения с друзьями в китайском ресторане было моей идеей.

* * *

Шумный день остался позади. Друзья с их шутками тоже. Вечер с Морозовыми, где меня чуть не споили, только что закончился. Мы с братом наконец вернулись домой. За свое терпение я должен был получить вознаграждение.

Подойдя к Никите сзади, я обхватил его за талию и потерся об его спину щекой. Он был все еще выше меня, хотя я и подросток.

Мне стукнула в голову любопытная мысль, которую я сразу решил воплотить в жизнь. Затуманенный алкоголем мозг отозвался вялым посапыванием.

Отойдя от брата, я встал к стене, одну ногу согнул в колене, упираясь стопой в стену. Никита напряженно за этим наблюдал, подходить, кажется, не собирался. Что ж, сам виноват. Продолжим представление.

Мотнув головой, чтобы челка легла на глаза, я глянул на брата сквозь занавесь волос. Одним плавным движением отлепился от стены и, покачиваясь в такт воображаемой музыке, стал стягивать с себя одежду. Судя по сжатым кулакам и расставленным ногам брата, получилось у меня неплохо. Оказавшись без одежды, я облизнул указательный палец, затем средний, засунул оба пальца в рот и, прикрыв глаза, стал их посасывать, время от времени вытаскивая и облизывая. После чего развернулся лицом к стене, уперся в нее одной рукой, прогнувшись в пояснице и поставив ноги на ширину плеч, засунул оба обслюнявленных пальца себе в задницу. Стоя у стены и глухо постанывая от движущихся в анусе пальцев, я возбуждился. Мне захотелось большего.

Никита мои затруднения разрешил. Хорошо, что я успел себя растянуть. Брат резко отдернул мою руку от зада и вошел сам. Я только успел охнуть, после чего выгнулся ему навстречу и еще шире раздвинул ноги. Никита же одной рукой с силой схватил меня сзади за шею, другой сжал мой член. Я упирался в стену обеими руками, стараясь зафиксироваться в одном положении. Резкие жесткие толчки сотрясали все тело.

И вдруг все прекратилось. Я протестующе что-то простонал. Никита повернул меня лицом к себе и снова вошел, держа одной рукой за горло, другой подхватив под колено и держа на весу мою ногу.

Приходилось как-то удерживать равновесие на одной ноге и руках, ладонями скользя по стене. При этом рука брата не прекращала сжиматься на горле и, если я начинал съезжать по стене, он сильнее сжимал пальцы. Наконец воздуха катастрофически перестало хватать, гортань саднило от боли. Взгляд затуманила пелена слез, и вот они

потекли по щекам, достигая руки Никиты. Он вздрогнул и остановился.

Ноги подкашивались. Отдышавшись и прокашлявшись, я потянул его к кровати.

— Саша, может, на сегодня хватит, — постарался воззвать к моим мозгам брат. Бесплезно. Они сладко храпели.

— Нет уж... У меня сегодня... день рождения... как никак, — просипел я. Чтобы что-то сказать, надо было сильно напрячься.

— Он был у тебя вчера.

— Тем более... Я уже взрослый... а секса в новом статусе... у меня еще не было.

И потом, как он себе это представляет, если мы оба на взводе?

— Можно подумать, за сутки что-то изменилось.

— Это мы и проверяем...

— Давай, я снизу буду? — предложил Никита.

— Видишь ли... у меня сил никаких, — навалилась слабость, так что на кровать я рухнул.

— Не проблема. Расслабься и получай удовольствие.

Уложив меня на спину, Никита сцапал смазку и, растянув себя, оседлал мои бедра. Обожаю его, насаживающегося на мой член: закушенная губа, сосредоточенное лицо, лихорадочно поблескивающие глаза... Беру его член и начинаю ему дрочить. Он постепенно расслабляется. Так-то лучше.

На утро мою шею украшают жуткие синяки, горло саднит. А с кухни слышится громкий голос Андрея Сергеевича:

— Сходите к врачу! Ему уже есть восемнадцать. Ваши отношения просто ненормальны! Ты сам говоришь, что мужчины тебя не привлекают, но спишь с геем. С братом. Скатываясь в садизм.

— Это не твое дело! — а Никита похоже сердится.

— Если бы! А передачи тебе в тюрьму бабушка носить будет? Ты его когда-нибудь убьешь! Я не хочу, чтобы мой сын становился убийцей!

Ого, как все далеко зашло. Я прям жертва маньяка убийцы и насильника.

— У меня есть знакомый сексолог... Я уже говорил о вас с ним. Просто сходите один раз на прием! — уговаривал Никиту отец.

Брат, похоже, задумался над его предложением. Мне идти к этому врачу не хотелось, но вдруг Андрей Сергеевич прав. Я-то, в случае чего, просто перестану существовать и что-либо ощущать. А что будет с Никитой? С ним уже не все так. И кто виноват?

Вхожу на кухню. Андрей Сергеевич профессиональным взглядом скользит по моей шее. Никита смотрит с мукой во взгляде (мне с одной стороны его очень жаль, а с другой — так ему и надо, пускай помучается).

— Когда мы должны быть у этого врача?

Все. Моя лепта внесена. Никита понял, что я согласен. Теперь можно уходить. Ему решать, идти или нет.

К сексологу мы попали уже через три дня. Синяки у меня пока полностью не сошли, глотать все еще было больно, голос звучал сипло.

— Здравствуйте. Я Никита Андреев. Нам назначено, — зайдя в кабинет, сказал брат.

— Здравствуйте! Меня зовут Евгений Валерьевич Яковлев. Никита, Александр, присаживайтесь!

Мы уселись напротив доктора. Евгений Валерьевич заговорил:

— Мне кое-что о вас рассказывал Андрей Сергеевич. Но давайте начнем с самого начала. Я так понимаю, вы братья и секс-партнеры, — мы синхронно кивнули. — У вас нет проблем со своей гомосексуальностью? С тем, что ваш партнер близкий родственник?

— Никаких, — твердо ответил Никита.

— Меня не устраивает то, что я гей. Но тут ничего не поделаешь, — вынужден был признать я.

— Александр, а инцест вас не смущает? — уточнил врач.

— Нисколько, хотя мне самому кажется это странным.

— Почему же тогда гомосексуальность вас не устраивает?

— Потому что мне нравятся парни, это неправильно. Я вообще считаю, что раз ты любишь человека, никого другого ты хотеть не должен по определению. Только так не получается, и меня это раздражает. Не вижу ничего странного в наших отношениях с братом, потому что люблю его. Но думаю, будь на его месте кто-то другой, я бы считал такие отношения неправильными.

— Никита, как вы относитесь к гомосексуальности своего партнера?

— Меня это бесит.

— Поподробнее, пожалуйста.

— Мне не нравится то, что его могут привлекать другие мужчины. Впрочем, женщины меня бы тоже не устроили.

— Ясно. Теперь относительно проблемы, из-за которой вы ко мне обратились. Расскажите подробнее, когда вы начали замечать, что вас привлекает садомазохизм. Так было с самого начала?

— Нет, сначала такого не было, — постарался припомнить я.

— Думаю, предпосылки были. Но угрожающий характер это стало нести после того, как однажды я избил Сашу... И не только избил. Он это очень спокойно воспринял. В общем, мне все сошло с рук. И развязало руки... Наши отношения с того случая стали более теплыми и спокойными. В сексе же я начал необоснованно применять силу. Однако это характерно только для ситуации, когда я в роли актива, — вдумчиво говорил Никита.

— То есть, в пассивной роли вам не хочется причинить боль вашему партнеру? Вас удовлетворяет пассивная роль?

— С моральной точки зрения быть пассивом меня устраивает, физически — нет. Издеваться над Сашей в таком положении совсем не тянет, скорее, хочется... ласки.

— А вы что скажете, Александр? Вас устраивает роль актива? Что вы думаете о приступах жестокости Никиты?

— Мне больше нравится быть снизу. Но и активом я быть не против — это заводит. Главное, чтобы это был Никита. Неважно, в каком положении и при каких обстоятельствах.

— Вас не пугает возможность получения увечий?

— Меня ничего не пугает, если он останется со мной.

— То есть вы боитесь, что Никита вас оставит, поэтому предпочитаете мириться с его поведением?

— Конечно. Я боюсь, что он меня оставит. Ведь он уже уходил. И я не терплю его поведение, я его провоцирую, — говорю спокойно, хотя внутренне меня колотит. Ведь в этом я сам себе старался не признаваться.

— Провоцируете жестокое к себе отношение? То есть, вас удовлетворяет, когда с вами жестоко обращаются?

— Верно. Если он будет жесток, то потом ему придется сидеть рядом. И он никуда от меня не сможет уйти.

— Значит, причина все-таки в боязни потерять партнера. И проецируя на себя его жестокость, вы пытаетесь его контролировать. Что скажете, Никита? Почему вы постоянно поддаетесь на провокации?

Никита молчал. Мне казалось, что зря я заговорил так откровенно. А что я мог? Врач не поможет, если не будет знать, где нужна помощь. Но что если брат, узнав обо всех моих мотивах и действиях, станет презирать меня еще сильнее, что, если возненавидит? Обманывать себя, что без него я смогу жить, глупо. Он мне нужен, необходим. Пусть жестокий. Какой угодно. Только пусть он будет рядом.

— Я сделаю все, чтобы он остался. Если ему нужна жестокость, я буду жестоким. Если нужно мое подчинение, я буду подчиняться. Я не желаю нуждаться в нем, но не могу иначе, — наконец заговорил Никита.

— И за то, что нуждаетесь, вы ждете наказания? — на это брат неуверенно кивнул, а Евгений Валерьевич продолжил, обращаясь к нам обоим: — Что могло сформировать в вас такой страх к потере партнера?

— Мать, — ответил Никита.

— Мама, — в то же время сказал я.

— То есть?

— Мать ушла из дома, когда мне было десять.

— Мама была единственным родным мне человеком. Отца я таковым не считаю. Она обращала на меня внимание только когда ругала или наказывала.

— Что ж, попытайтесь осмыслить услышанное. И не позволяйте вашей матери портить вам жизнь, оставьте ей прошлое. Будущее должно принадлежать только вам. А теперь скажите, правильно ли я понял, что Сашу привлекает мазохизм, а Никиту садизм?

Мы с братом опять синхронно кивнули, я же уточнил:

— Но для Никиты быть пассивом тот же самый мазохизм.

— Ваша мать повлияла на формирование психологических девиаций виктимного характера у вас обоих. После насилия ситуация усугубилась, поскольку жестокость и боль удерживали партнера рядом, вы бессознательно приняли это за схему поведения. Виктим (то есть вы, Саша) провоцирует агрессора на необходимые ему действия. Агрессор (вы, Никита) старается давать требуемое. Такой стереотип поведения не плох, но в вашем случае девиация несет угрожающий характер. У меня есть предположение, что проявление вашего садомазохизма возможно свести к игре, если вы поменяетесь местами в причинении физической боли. Может помочь проецирование образа вашей матери на партнере.

— Вы с ума сошли! Да идите к черту с такими предложениями! — я вскочил со стула и

вылетел из кабинета. Меня трясло от предложения сделать брату больно. Дело даже не в том, что если я сделаю что-то не так, Никита от меня уйдет. Я просто в принципе не мог причинить ему боль. Брат за мной не пошел, и мне пришлось ждать его у машины.

* * *

Визит к сексологу мы с братом не обсуждали, зато обдумывали. Никита так вообще погрузился в себя. Меня это немного нервировало. Главное, чего я боялся, что этот поход к врачу поставит жирный крест на наших отношениях. И основания были. После обоюдных откровений сексом мы не занимались, брат ко мне с того момента даже не прикасался.

И вот как-то вечером Никита пришел в мою комнату. Я, как всегда на сон грядущий, читал и слушал какую-то нудную музыку. Оторвав глаза от книги, удивленно вскинул бровь.

— Я поговорить с тобой хотел, — как-то флегматично начал он.

А я напрягся. Поговорить? Это плохо, очень плохо! Хотел бы продолжения наших отношений, действовал бы, а не разговоры говорил. Наброситься на него? И что потом? Даже если переспит со мной, это не изменит его решения. Зато я получу еще одну ночь в его объятиях.

Придя к решению, я откинул книгу и напряг мышцы, чтобы встать с кровати и выполнить задуманное. Но голос брата, все это время наблюдавшего за мной, меня остановил:

— Спокойно! Никуда я не денусь. Хочешь секса — ты его получишь, но сначала мы поговорим.

Значит все не так или не совсем так, как я подумал. Но... Когда меня перестал «замораживать» его взгляд? Почему я этого раньше не заметил? Вот смотрю в его глаза и ничего. Вернее чего... Меня это возбуждает. Но ощущение «кролика перед удавом» испарилось. Или я уже и сам похож на удава, готового проглотить «кролика». Никита в роли кролика меня несказанно позабавил.

— Успокоился? Зря ты ушел, не дослушав врача. Он предположил, что твои обмороки в переходном возрасте были от неприятия собственной формирующейся сексуальности... неприятия своих желаний. В ситуациях, вызывавших отклик твоего либидо, мозг просто отключался. И вообще, у тебя есть тенденция к развитию нимфомании. Это было и так понятно, но мнение врача все-таки выслушать стоило. Кстати, почему ты так бурно отреагировал на предложение Евгения Валерьевича поменяться ролями? Или это из-за того, что он мать сюда приплел?

Предположения врача ввели меня в шоковое состояние, и я некоторое время не мог собраться с мыслями.

— В голове не укладывается, как бы я мог представить вместо тебя маму или еще кого бы то ни было. Я просто не понимаю, как смог бы причинить тебе боль, это немыслимо! — стоило только подумать о таком кошунстве, как адреналин зашкалил.

— А если я попрошу сделать мне больно? — Никита ухмыльнулся. В других обстоятельствах фраза «сделай мне больно» меня бы тоже развеселила, но не в контексте причинить эту самую боль брату! Лучше сразу себя убить, чтоб не мучиться!

— Нет! — О! Да у меня истерика! Чудесно.

— Мне это действительно нужно. Ты же не хочешь, чтобы я попросил кого-то еще?

А вот это нечестный прием! Я задохнулся от возмущения. Было очень больно представлять его с кем-то другим, даже если бы они не занимались сексом. Даже если этот кто-то просто выполнит просьбу брата о причинении боли. Да я собственноручно убью ублюдка, посмеявшегося к нему прикоснуться! Как думаете? Какой ответ я мог дать Никите?

Заметив, что я морщусь со слезами на глазах, Никита быстро сел ко мне на кровать и приобнял за плечи, потрепав волосы и поцеловав в висок. Наконец-то! Я так по нему соскучился! Воспользовавшись ситуацией, прижимаюсь к его боку плотнее.

— Прости! Не стоило мне на тебя таким способом давить, — шепчет Никита мне в ухо.

Чего он там хочет? Боли? Сейчас! Будет ему боль! Я из него слова о "ком-то еще" выблюю, чтоб и мысли не осталось о других!

— Хочешь сейчас попробовать?

Брат удивленно смотрит на меня, потом решительно кивает и, стягивая одежду, ложится на мою кровать.

На мне пижама, и снимать я ее не собираюсь.

— Согни ноги в коленях, раздвинь как можно шире, — даю указания.

Никита все это повторяет, но уверенности у него поубавилось. Правильно. Не надо меня злить!

А вид просто сногшибательный! Подхожу к кровати. Провожу кончиками пальцев по его прессу.

Чего-то не хватает.

— Закинь руки за голову, — Никита выполняет, мышцы пресса напрягаются. А его, кажется, заводит такое положение дел. Обвожу подушечками пальцев сначала один сосок, потом другой. Прикладываю пальцы к его губам, слегка нажимаю.

— Соси!

Брат подчиняется. Замечательное чувство! Меня так и распирает от желания. Но этого

мало. Он хотел боли. А это всего лишь подчинение.

Провожу рукой по его телу и щипаю за соски. Брат от неожиданности вскрикивает и закусывает губу. Я несильно ударяю ладонью по его вставшему члену. Никита выгибается и стонет. Повторяю. Он пытается сдерживаться. Еще немного.

— Встань на колени, руки за голову.

Красота! Какое послушание! Уф! Я уже еле сдерживаюсь, чтобы не трахнуть его. Провожу ладонью по его спине, сжимаю ягодицу. Поглаживаю грудь и живот, сжимаю мошонку. Никита часто дышит. Его спину, лицо и грудь покрывают капельки пота.

— Раздвинь ноги.

Вот так, хорошо. Провожу ладонью ему между ног. Брат непроизвольно дергается мне навстречу. Мои пальцы поглаживают его вход. Обычно ему это не нравится, но не сегодня. Закушенная губа и подавляемые стоны. Что ж, мы опять отклонились от намеченного курса. Я с силой ударяю ладонью по его ягодицам. Протяжный стон. Раньше он так никогда не стонал! Жалобно, просительно... Черт! Как я его хочу! Похоже, наши садомазо-отношения только начинаются. Этого врача-гения урыть надо!

Я продолжаю бить Никиту по ягодицам, иногда отвлекаясь на член. Но дальше терпеть уже просто невозможно. Да и по-настоящему больно я сделать ему не смогу, не стоит себя обманывать.

— Упрись руками в кровать, — хрипло приказываю.

Лезу за смазкой в тумбочку. Тело брата подрагивает. Я вжимаю его голову в постель, он легко подчиняется. И вот подо мной пятой точкой вверх полностью послушный Никита. Шикарнейшее зрелище!

И тут у меня в голове будто переключатель щелкает. Я пытался его «сломать» и получал от этого удовольствие! Задыхаясь, захожусь слезами. Никита тут же поднимается, прижимает меня к себе, обнимая.

— Ш-ш-ш... Все хорошо. Все в порядке, — шепчет он, поглаживая меня.

И я помаленьку успокаиваюсь. Потому что голос брата хоть и хриплый, но спокойный. Смотрю в его лицо (а это нелегко, мне, черт подери, стыдно!). Спокоен.

— С тобой точно все в порядке? — нахожу в себе силы спросить.

Никита улыбается как-то смущенно, но глаз не отводит.

— Похоже, это я мазохист. Просто попросить тебя ни о чем подобном не догадался, вот от нереализованного желания быть тобой «наказанным» на тебе же и срывался. С другой стороны, для тебя это действительно слишком, — на последних словах он нахмурился.

— Посмотрим. Но имей в виду, если меня опять переключит, сам будешь виноват в последствиях.

Он мазохист, видите ли! Наверное, это семейное.

— Буду, — отвечает он и стонет когда я, прижимаясь к нему поближе, трюсь о его член. Даа... Это у меня от шока все настроение пропало, а кое-кто тут вполне готов. Будем заглаживать вину... Или лучше сказать залиывать...

* * *

Как ни странно, эти «игры» успокоили нас с братом. Садизм как-то плавно перешел в подчинение. Просто немного больше контроля со стороны партнера, чем обычно. Я не провоцировал, Никита не срывался. Только мне не сразу удалось привыкнуть к подчинению брата, все время казалось, что я перегибаю палку. Зато какой я шелковый после таких «игр» становлюсь, любо-дорого посмотреть.

Правда, ревновать я его все равно не перестал, хоть и появилась какая-то внутренняя уверенность, что он принадлежит мне. Так что все же стало легче.

Вот и сейчас наглые прилипания Иры к Никите меня выбешивали. Его, между прочим, женщины интересуют, а она об него грудью трется! Да я ее задушу!

Конечно, она не терлась. Вернее, не специально. Просто опять висела на нем. А то, что ей уже не семь лет, и грудь у нее ого-го?! Про это она конечно забыла! Прибью!

— Никитушка! Ну, сделай мне блинчики! Ты же меня любишь! Правда? — нудила наглая захватчица чужой собственности.

— Ты глубоко заблуждаешься. Я тебя терплю ради Саши. Обойдешься без блинов.

— Ах! Какая у нас любовь! Какие мы благородные! Мог бы и блины сварганить, раз уж расщедрился меня потерпеть. Или ты не настолько любишь братика? — сдаваться без боя Ира была не намерена.

— Саша, ты блинов хочешь? — обратился Никита ко мне, решив прекратить споры.

— Э, нет! Ты сам должен решить! Что, так сложно?

— Не вижу ничего сложного. Все очевидно, — с этими словами Никита удалился на кухню.

— Ес! — ликующе вскинула кулак Ира.

Я спокойно продолжал смотреть телек.

— Кстати, Слэш, ты понял, что твой братик только что сказал?

— Что пойдет делать тебе блины? — безразлично уточнил я.

— Вообще-то, что любит тебя?

— Когда это? — офигевши переспросил я, прокручивая в голове недавний разговор.

— Когда сказал, что «все очевидно», — услышался от двери голос Никиты. Я только и мог, что молча наблюдать за спокойно приближающимся братом. — Какие блины ты хочешь? Как всегда, с грибами?

Пришлось кивнуть, потому что голос не слушался, да и суть вопроса я не уловил. Вот только что он признал, что любит меня! Не то, чтобы я этого не знал, но Никита моих догадок так буквально не подтверждал. Я сидел в ступоре, пока Никита не наклонился меня поцеловать.

— Ну, хватит! Я голодная, между прочим! — заныла Ира.

— Я тоже голоден! — возмутился брат и, склонившись к моему уху, спросил шепотом: — Поделишься своим «молоком»?

Я непонимающе посмотрел на него. В глазах Никиты черти отплясывали румбу. Поймав мой взгляд, он многозначительно опустил глаза на мой пах. Я улыбнулся.

© Copyright: WILLow_W, 10.10.2010